

Ульяна Соболева



2 ЧЕРНЫЕ ВОРОНЫ

Лабиринт

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Черные Вороны

Ульяна Соболева

Черные вороны 2. Лабиринт

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Соболева У. П.

Черные вороны 2. Лабиринт / У. П. Соболева — «ЛитРес: Самиздат», 2016 — (Черные Вороны)

Циничный Макс Воронов по кличке Зверь никогда не мог предположить, что девочка, которая младше его почти на тринадцать лет и которая была всего лишь козырной картой в его планах мести родному отцу, сможет разбудить в нем те чувства, которые он никогда в своей жизни не испытывал. Он считает, что не сумеет дать ей ничего, кроме боли и грязи, а она единственная, кто не побоялся любить такого, как он, и принять от него всё, лишь бы быть рядом. В оформлении обложки использована фотография автора Oleg Gekman с сайта Depositphotos. Содержит нецензурную брань.

© Соболева У. П., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Глава 1. Макс	5
Глава 2. Карина	11
Глава 3. Дарина	17
Глава 4. Андрей	23
Глава 5. Карина	28
Глава 6. Макс	33
Глава 7. Андрей	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Глава 1. Макс

*Первая любовь была слепа
Первая любовь была, как зверь
Ломала свои хрупкие кости,
Когда ломилась с дуру в открытую дверь*

(С) Наутилус Помпилиус "Жажда"

Я припарковался возле элитного ночного клуба «Нирвана», бросил взгляд на часы – время еще есть. Не люблю приходить вовремя, люблю, чтоб подождали. Хотя бы минут десять. Легкое психологическое давление, когда показываешь оппоненту, что дорожишь встречей, но не несешься сломя голову. Провел пятерней по влажным волосам, заглаживая назад и осматривая здание, похожее на купол, усыпанный звездами. Элитное местечко – вертеп всех смертных грехов, доступных только тем, кто готов был оплатить за вход круглую сумму. Я бывал здесь и раньше, правда, совсем с иными целями.

Хлопнул дверцей мерса, швырнул ключи работнику клуба. Бросил взгляд на массивные стеклянные двери в заведение – оцеплено секьюрити. Пройти можно только по приглашению. Жесткая селекция.

Я направился ко входу, возле которого уже толпился народ. Блеск показухи и тошнотворного гламура с витающим запахом наркоты, дорогого пошла и дикого секса в кабинках туалета. Электронная музыка, которую и музыкой язык не поворачивается назвать, но для конвульсивного дерганья телом вполне и очень. Басы бьют по барабанным перепонкам даже на улице, покачал в ритм головой, отстукивая пальцами по ноге.

– Маакс, о божеее, это же Мааакс, – протянул кто-то из очереди, я усмехнулся, проходя мимо компании девчонок в мини-юбках, окутанных сигаретным дымом. Ни одну не помню, но, видимо, они запомнили меня... за какие-то заслуги. Подмигнул, скользнув оценивающим взглядом по упругим задницам и силиконовым бюстам – не интересно, и поднялся по ступеням. Вслед понеслось:

– Макс, проводи нас, аааа. Мы не останемся в долгу...

Кто бы сомневался. Не сегодня, девочки. Секс не входит в мои планы. Хотя... еще не вечер. Охрана пропустила сразу, но на предмет оружия проверила. Я кивнул на трех ярких кукол, которые с надеждой смотрели мне вслед:

– Пропусти этих. Они со мной. Но позже, чтоб не увязались. У меня встреча.

Сунул ему деньги в карман пиджака и похлопал по плечу. Лысый коротко кивнул. Умные ребята, и зрительная память хорошая. Я повернулся к куколкам и прищелкнул языком, складывая пальцы кольцом. Одна из них многообещающе облизала пухлый рот. Минет – это ж не секс, да? Дам ей в рот перед уходом.

– Лев где? – спросил у одного из официантов, и тот кивнул на дальний столик в ВИП-секторе, окутанный неоновой дымкой и лучами разноцветных прожекторов. Официант хотел пройти дальше, но я преградил ему дорогу, резко вытянув руку:

– Стоять.

Он замер, а я усмехнулся, глядя в испуганные глаза, взял с подноса бокал виски, на ходу опрокинул, закусывая лимоном. Бокал поставил на поднос другому официанту. Прошел к столу, за которым сидели четверо мужчин. У одного на коленях извивалась стриптизерша, второй выравнивал кокаиновые дорожки на зеркальном столе золотой кредиткой. Третий что-то орал в телефон, а четвертый смотрел на меня – Лёва собственной персоной. Владелец этого

элитного гадюшника. В прошлый раз мы с ним расстались при обстоятельствах, не располагающих к новой мирной встрече. У того, что ровнял кокаин на столе, я заметил ствол под пиджаком, второй бросил на меня взгляд и снова вернулся к беседе. Наверняка тоже «упакован». Если что-то пойдет не так – мои мозги украсят прозрачный, сверкающий пол «Нирваны» бледно-розовыми брызгами.

– Свали, Гера, – рыкнул Лев и с яростью посмотрел на парня, который лапал за полные груди стриптизершу, засовывая пальцы в ярко покрашенный рот, пока она всю натиралась о его член голой задницей. Перевел взгляд на меня – холодные глаза, полные презрения. Узнал. Еще бы.

– Я думал, Ворон сына пришлет, а не пешку свою.

Я отодвинул стул и сел напротив Льва, не дожидаясь приглашения:

– У пешки иногда намного больше шансов на шахматной доске, чем у короля.

– Если ее не сольют на первых же ходах, – осклабился Лев и сделал глоток из бокала, – Ворону скажи – пусть для переговоров сына пришлет, как и обещал, а не шестерку.

Внутри поднялась волна мгновенной ярости, я бы одним ударом свернул ему челюсть, но меня здесь изрешетят. Поиграв желваками, пристально посмотрел Льву в глаза, успокаиваясь:

– Позвони Ворону и переспроси, кого он к тебе прислал. Если, конечно, хочешь выглядеть неинформированным лохом.

– Базар фильтруй, Зверь. Ты не на своей территории.

– Фильтры закончились. Информация правит миром. Ты думал об этом, Лёва? – повернулся к тому, что затянулся коксом, – Говорят, что через пару лет кокаиниста от сифилитика не отличить.

– Что? – взревел тот, зажимая ноздрю пальцем и закатывая глаза.

– Он охренел, Лёва! Я ему башку сейчас снесу!

Я почувствовал, как в затылок уперлось дуло пистолета. Напрягся, ощущая, как поднимается градус адреналина в крови. Уууууууххх. Дааа! У каждого свой кайф. Кажется, у меня даже встал.

– Давай, проверь.

Лев вздернул бровь и достал из кармана мобильник, покрутил в толстых коротких пальцах, рассматривая меня, а потом положил его обратно на стол. Думает. Кивнул ублюдку, который тыкал пушкой мне в темечко и тот отодвинул ствол, но продолжил держать меня на мушке, я ее ощущал кожей.

– Да, ты плохо информирован, Лёва. Не будешь ты править миром в ближайшие сто лет, – я откинулся на спинку стула, ни на секунду не забывая о скорости, с которой пуля пробьет мне затылок. – А теперь к делу. Мы согласны открыть границу для твоего товара. Можешь ввозить.

Лев усмехнулся и закурил сигару протянул и мне, угощая. Я взял, щелкнул зажигалкой и посмотрел снова на Льва.

– Чего это вдруг, а? Передумал Ворон? Три месяца назад я получил отказ.

– Тебе какая разница, Лёва? Или уже не интересно?

Бл**ь! Не может быть, чтоб я прокололся. Неужели мудака нашел иной способ везти сюда своё пойло?

– Тогда было интересно, а сейчас Ахмед на рынок вышел. Какой мне смысл? У него товар хорошего качества. Я пока толкаю в Польше.

Я усмехнулся.

– То есть у тебя плохой, Лёва? У Ахмеда три точки сбыта – мы дадим тебе пять. Цену снизь, и ты в ажуре. Потерь не понесешь за счет оборота. От Ворона получишь стратегически интересные места. А там плевое дело раскрутить – реклама, эфирное время. Ахмеда задвинешь в два счета.

Лёва задумался, глядя на меня и затягиваясь сигарой.

– Цена теперь будет ниже, чем я предлагал, – сказал и снова отпил с бокала. Наивный самоуверенный идиот. Кому нужны твои бабки?

– Ворон согласен.

– Даже так? Не хочешь у него спросить?

Я отрицательно качнул головой.

– Хорошо, а теперь в чем подвох, Зверь?

– А в чем подвох, Лёва? Ворон серьезные дела решает с серьезными людьми. Кидка здесь нет. Уровень не наш.

– А Ахмед? Что-то не поделили? Зачем задвинуть его хотите?

Я пожал плечами. Хоть одна умная мысль за весь диалог сегодня.

– Ну почему так неуважительно о господине Нармузинове? Он у нас Христофором Колумбом отработал. Теперь мы знаем, что это интересно, и рынок будет наш... с твоей помощью, разумеется.

– Отжать хотите?

– Это называется не «отжать», Лёва, а здоровая конкуренция. Ну так как? Интересно?

– Заманчиво, – Лёва потер квадратный подбородок, – ты че, в натуре сын Ворона?

– В натуре, Лёва, в натуре. Результаты ДНК сегодня показывать не буду, но ты мне на слово поверь.

– Гера, мать твою, убери ты пушку.

Вот теперь я смог расслабиться и, протянув руку к бокалу, сделал глоток, поставил на стол.

– Ладно, передай Ворону, что я подумаю. Ответ завтра будет.

– Нет, Лёва, мне ответ нужен максимум через час.

Я встал из-за стола.

– Кстати, место охрененное. Тыц-тыц-тыц, – я снова покачал головой в такт музыке, – а рок в живую не пробовал? Хотя, нет. У тебя не тот контингент. Не прокатит.

Прошел мимо Геры, который был на голову выше меня и в два раза больше. Я демонстративно подпрыгнул и покачал головой показывая ему большой палец кверху.

– Клоун, бл**ь, – пронеслось мне вдогонку.

– Не клоун – Зверь. Он тебе сердце голыми руками вырвет, Гера, и сожрет сырым. Спрячь ствол, задолбал, придурок. Иди... потрахайся и расслабься.

Я ухмыльнулся. Все же Лёва проинформирован мной неплохо – сломанное ребро и нос, видать, подбивают в плохую погоду.

Я подошел к бару, отыскивая взглядом троицу, которую провел сюда. Не мешало бы расслабиться. Полчаса на прицеле у обнюханного имбецила как-то не располагает к спокойствию. Но вместо них мне очень мило улыбалось какое-то чудо с белыми волосами, черной подводкой в пол-лица и пухлыми губами. Вот слабость у меня, когда у них пухлый рот.

– Мы знакомы? – спросил я и подтолкнул к ней меню бара. Отрицательно качнула головой и облизнулась. О дааа, детка. Я точно знаю, чего хочу сейчас.

– Я о тебе слышана, – вдруг сказала она и я усмехнулся. Пусть будет так.

– Поехали знакомиться, если слышана и не страшно...

Через пару минут я уже вел ее в сторону выхода, сжимая упругие ягодички:

– Так значит, любишь жестко трахаться? – шепнул ей на ухо, прикусывая мочку.

– Дааа.

Она кричала это «дааа», пока сосала мой член, в коротких перерывах, когда я давал ей продышаться и снова яростно долбил в этот рот, удерживая ее за затылок. И потом, заливаясь слезами, когда драл ее, нагнув над креслом в моем номере, намотав ее длинные волосы на кулак, под конвульсивные сокращения ее плоти вокруг моего члена. Да, ей таки нравился жесткий трах, она кончала, как заведенная, а утром не взяла денег. Не люблю, когда они не берут,

потом начинают названивать и требовать свиданий, но эта даже номер телефона не спросила. Кто-то платит за секс, чтобы получить сам секс, а я любил за него платить, чтоб не возникало сложностей. Дал денег – и мы в расчете, и все вопросы на счет продолжения отпадают.

Я врубил музыку на полную громкость и закурил, глядя в лобовое стекло. Наконец-то почти дома. Последние три года мотался туда-сюда. То в Питер, то вообще по Урюпинскам всяким. Ворон сказал завязывать там, здесь проблем хватает. Ахмед, сука, наехал на наших недавно, устроил маскарад в центре города. Попрессовали ребят, а некоторых менты загребли во время поножовщины.

Я подумал об отце, уверен, он сразу же обзвонил своих адвокатов, работающих на него уже годами. Пацанов выдернут, и довольно быстро. В этом отношении Сава придерживался одного правила – своих надо вытаскивать всегда. Из любой передрыги. За это его фанатично уважала братва. Впрочем, как и я сам, что так же не мешало мне сильно его ненавидеть. Три года назад наш разговор с Вороном состоялся сразу после похорон Лены. Ни днем раньше. Хотя у него был целый месяц и до этого поговорить со мной. Нет, я даже не ждал. Я давно не жду от людей ровным счетом ничего, кроме подлянки. Его молчание доказывало, что известие никоим образом не всколыхнуло в нем никаких чувств. Я не удивился. Но тогда уже отбросил планы мести, и не из-за отца, а из-за Графа. Есть дружба, которая вырастает из ненависти, а наша была подпитана ненавистью к общему близкому врагу – родному отцу. Нас объединяло настолько много, что вся моя месть теряла смысл, когда я понимал, что в лице Андрея мщу сам себе. Нет – это не благородство. Это умение возвращать долги, и я был должен брату хотя бы за то, что тот два раза протянул мне руку, когда должен был всадить пулю промеж глаз.

Ворон вызвал меня к себе, когда я вернулся из больницы, где оставил Андрея у постели дочери. Сава лично позвонил и сказал, что ждет меня на ужин. Поразили его цинизму, точнее, не поразили, а скорее усмехнулся, понимая, насколько этот человек предан своим пустым идеалам. Хорошо, что на похороны пришел, я думал, его и там не будет. Не скажу, что горел желанием обсуждать с ним его отцовство. Не так я хотел, чтоб он узнал о моем существовании, но что сделано – то сделано, и мне было все же интересно посмотреть ему в глаза и понять, что он чувствует. Ведь он месяц обдумывал этот разговор. Сава ждал меня в этот раз не в кабинете, нам накрыли в просторной зале на двоих. От ужина я тогда отказался. В душе остался едкий пепел после всего, что произошло в последние дни. Он предложил мне присесть, но я так и остался стоять. Мы оба молчали. Я смотрел на него и думал о том, что много лет назад я бы сдох за возможность вот так поговорить с ним, а сейчас... сейчас, как говорится, уже нахрен не надо. Да и не о чем. Он мне никто, и я ему... никто. Ворон первый нарушил молчание.

– Я позвал тебя не для того, чтобы бить себя в грудь, оправдываться и говорить, что сожалею о твоей матери, – он тоже не торопился садиться за стол, стоял напротив меня ужасно бледный, с ввалившимися глазами, но все такой же до тошноты высокомерный, – я даже не помню, как она выглядела. В моей жизни таких, как она, были сотни.

Я сжал челюсти, контролируя дикое желание съездить ему под дых.

– Ничего личного, Макс. Тогда я жил именно так. Какая-то девка, с которой я спал, пока скрывался от ментов, решила захомутать меня известием о беременности. Я дал денег и забыл о ее существовании. Я поступил бы так с любой другой.

Я в этом даже не сомневался. Сам такой. Оттрахал и забыл. Пошел дальше. Но, бл**ь...

– То есть идеи проверить, сделала ли она аборт, у тебя не возникло?

– Нет. Совершенно. По всей логике вещей должна была. Не в ее положении оставлять ребенка, безотцовщину, с её-то мамашей чокнутой. Ей не повезло, либо тебе повезло. Сейчас я уже не знаю, что это было. Извиняться мне не за что, да и оправдываться тоже. Я не знал о

твоем существовании, а она не представляла для меня ровным счётом ничего, чтобы я начал интересоваться.

Савелий поставил на стол два бокала и плеснул нам обоим виски.

– Я, Макс, предлагаю начать с чистого листа. Вот с этого момента, когда я знаю, что ты мой сын. Исправить уже вряд ли что-то можно, но, учитывая, как ты подгадил за последние годы – мы в расчёте. Ты теперь моя семья, и я готов забыть все то дерьмо, что ты расплескал вокруг себя в радиусе километров. Не пафос – жизненное кредо. Родная кровь – не вода.

Он отпил виски и снова посмотрел мне в глаза. Я не знал, что испытываю. После того, как тобой затыкали все прорехи и твоими руками устраняли неугодных, довольно странно вдруг понимать, что тебя возвысили до каких-то благ, потому что ты вдруг оказался носителем генов самого Ворона.

– Не сказал бы, что сожалею об этом дерьме, – ответил я и отпил виски. Ворон ухмыльнулся.

– Я был бы разочарован, если бы ты сожалел. Поэтому проехали. Назовем это ответным шагом, спустя несколько лет.

Я молчал, смотрел на него и молчал, сжав челюсти. Не так-то просто через столько лет ненависти вдруг начать воспринимать его иначе, чем подлым ублюдком, из-за которого погибла моя мать.

– Я знал, что разговора особо не получится. Это нормально. Время займет. На. Возьми.

Ворон, сунул руку за пазуху и достал из внутреннего кармана пиджака конверт, подал мне.

– Загляни.

Если это бабки, я врежу ему, несмотря на то, что он еле на ногах стоит. Раскрыл конверт и достал свидетельство о рождении. Моё свидетельство. Свежая корочка, едва высохшие чернила и печать. Только фамилия теперь стояла не та, которую указала мать, а Воронов, и в графе «отец» проставлено имя: Савелий Антипович Воронов.

Стиснул челюсти до боли, чувствуя, как участился пульс и раздуваются ноздри. Внутри началась война, где одна часть меня хотела разорвать это гребаное свидетельство и швырнуть в лицо Ворону, а другая – содрогнулась от идиотской непонятной радости.

– Именно поэтому я не звал тебя месяц. Я хотел сделать то, что сделал бы двадцать восемь лет назад, если бы узнал о твоем существовании. Я, может, паршивый человек и хреновый отец, но я справедлив и у меня есть свои принципы: мои дети – это мои дети. Моя семья. А семья, Макс, – это святое. Землю жри, но семью не предай.

Он вдруг схватил меня за затылок.

– На меня смотри, – наши взгляды встретились, и я сильно сжал конверт пальцами, – сучонок, а глаза как у меня, один в один. Дел ты наворотел... Я расхлебывать заколебался за этот месяц. Но имел право... Признаю. Виноват.

Ну так как, сынок... Готов начать сначала? Дашь этому шанс? Если нет, то я счет открыл на твое имя. Бери бабки и уезжай, куда хочешь, только свидетельство тогда здесь на столе оставь – и не было ничего.

Мы смотрели друг другу в глаза, и, кажется, я даже слышал, как секундная стрелка отматывает на циферблате. Если разорву свидетельство, то все напрасно было. Каждый день моей гребаной жизни был бессмысленным. Я медленно положил свидетельство в конверт и сунул за пазуху. Отец кивал головой, не отрывая от меня взгляда.

– Правильно, сын. Умно. Эмоции сиюминутны, а жизнь – штука длинная, и одиночество в ней – далеко не самый лучший выбор, – убрал руку и отошел к столу, осушил свой бокал полностью, повернулся ко мне.

– Значит так, Макс, подчищать больше не будешь, сам выберешь, кто этим займется вместо тебя, а ты возьмешь на себя Питер – там много важных дел делается. Мне нужен свой

человек. Раньше я сам справлялся, но сейчас мне все труднее мотаться, я даю тебе второй шанс, мальчик. Не разочаруй меня. Оставь обиды и все счета в прошлом. Перешагни. Не сможешь – значит, я неверно на тебя поставил. Только в этот раз я не сделаю скидок на твою ненависть и трудное детство. Предашь – закопаю. И не важно, сын ты мне или нет. Андрея ждало бы то же самое.

Спустя три года многое изменилось, но я так и не назвал его отцом. Болезнь подкосила его еще сильнее, и он уже редко выезжал из дома, но по-прежнему вся империя держалась на нем.

Зазвонил сотовый, и я бросил взгляд на дисплей – незнакомый номер. В пять утра, на минуточку. Нажал на громкую связь, вырубивая на прямую трассу к столице.

– Да! Кто это?

– Максим? – голос очень нежный и едва слышен, но такой знакомый. Пусть я и не слышал его пару лет.

Сам не понял, как свернул к обочине и резко затормозил.

– Максим это... я... это...

– Это ты. Я узнал, маленькая... Что случилось? Не спится?

Глава 2. Карина

– Воронова, ты дура психованная, иди лечись... ненормальная!

Я слышала, как Гена скулит от боли, согнувшись, придерживаясь рукой за стену, и шипит сквозь стиснутые зубы. Пару секунд назад я со всей дури заехала ему коленом в пах.

– Нефиг руки распускать, урод, – раздраженно рявкнула я и ускорила шаг. Мне хотелось как можно быстрее выбежать на улицу и глотнуть свежего воздуха, чтобы никто не заметил, как дрожат мои руки и не услышал, как сильно забилося сердце, колотясь и ударяясь о грудную клетку.

– Кариинина, подожди... да подожди ты! Куда ты бежишь?... Эээй!

За мной бежала Танька – единственный человек из всего этого гламурного гадюшника, с которым я могла общаться. Я ненавидела здесь все – начиная от стен и заканчивая преподавателями и одноклассниками, с которыми приходилось видеться каждый день. Элитная школа для золотых детишек. Пафос, дурацкие разговоры и конкуренция – у кого круче модель смартфона и кто успел прошвырнуться по европейским бутикам, чтобы напялить на себя очередные шмотки из последних коллекций. Только здесь мало у кого хватало мозгов, чтоб понять – от нас просто откупились. Мамочки и папочки, у которых есть дела поважнее. И мой такой же. Кормит-поит-одевает. Психологи-психиатры-антидепрессанты. Я видела его очень редко – после смерти мамы он практически не бывал дома. Почувствовала, как от одной лишь мысли о маме внутри все сжалось от нестерпимой боли, как будто там не осталось ни одного живого места... Все внутренности кровоточат, наматываясь на зубья огромного маховика, который крутится настолько медленно, что я чувствую, как в очередной раз меня разрывает на ошметки. Черт, почему так невыносимо? Мне хотелось, чтоб стало легче, и в то же время я жаждала этой боли. Потому что она никогда не даст мне забыть, во что превратил мою жизнь папочка.

Командировки, дела, поездки, очередные сделки... и стаканы с виски, которые разбивались о стены его кабинета. Я знала, что ему больно, только мне было безразлично. Потому что это он во всем виноват. Он! Какого черта он вообще появился в нашей жизни? Не прощу ему этого никогда. Раньше у меня было все... раньше я умела улыбаться. По-настоящему... потому что у меня была мама, потому что раньше я была обычным ребенком. Зачем он вернулся? Мы прожили бы без него. А он появился и покровсал все, что было важным. Разрушил одним движением. Лишил меня всего, позволил покалечить и надругаться, превратил в жалкую оболочку, которой хотелось сдохнуть, вскрыть вены, наглотаться таблеток – что угодно, лишь бы унять боль. Не кормить ее больше своими слезами, ночными кошмарами и истериками, от которых колотило все тело. Я так устала, устала терзать себя вопросами, на которые никто и никогда не сможет мне ответить. Почему? Почему они убили ее? Лучше бы это он подох тогда, истекая кровью... лучше бы он! Почему сделали это со мной? Я ведь ни в чем не виновата...

И опять я словно чувствую этот мерзкий запах алкоголя. Ублюдки, которые хлестали его прямо из горла, передавая друг другу бутылку. Их дыхание провоняло водкой, она лилась мне в горло, обжигая его и вызывая приступ кашля. Только его не слышно из-за их издевательского смеха, грязных шуток и треска моей одежды.

От мыслей и воспоминаний дышать становилось труднее, в носу защипало, а на глаза накатились слезы – всегда так... Сколько бы лет ни прошло, я уверена, что никогда не станет иначе.

Танька подошла совсем близко и смотрела на меня с едва скрываемым недоумением.

– Карина, ну ты чего? Что с тобой происходит? Генка же просто пошутил...

– Да знаю я все... просто ненавижу, когда ко мне подкрадываются...

Я избегала ее взгляда. Мне казалось, что когда она посмотрит мне в глаза – сразу все поймет. Увидит этот дикий страх, который я испытывала, когда ко мне подходили слишком близко. Я ненавидела его, ненавидела за то, что в такие моменты не могла с ним справиться. Генка ведь и правда не сделал ничего плохого. Просто подошел сзади и закрыл руками мои глаза – обычная игра под названием "угадай, кто". Только он представить себе не мог, что я почувствовала в этот момент. Во рту моментально пресохло, уши заложило от тяжелого шума, тело как будто онемело и перед глазами все поплыло... Я испугалась так сильно, что в первые несколько секунд не могла даже пошевелиться – руки и ноги стали ватными, а к горлу подкатил тошнота.

Боже, какая же я слабачка. Всю жизнь буду такой – содрогаться от любого шороха и вести себя как психопатка, если ко мне кто-то приблизится. Обида вперемешку со злостью стали вдруг настолько сильными, что я, собрав все силы, резко повернулась и ударила его между ног.

“Вот так, тварь, получи! Я не боюсь больше! Не боюсь! Не сломаешь!” – каждое слово – как очередная волна, которая захлестывала меня, заставляя бороться, давая возможность вынырнуть на поверхность, а потом накрывала с головой, относя все дальше – на глубину.

Его крики заставили меня содрогнуться – такое чувство, что просыпаешься от глубокой дремы, преодолевая состояния между сном и реальностью. Только его вопли не вызвали во мне никакой жалости – пусть орет, обзывает, воеет от боли – мне все равно. Мне это было нужно – почувствовать, что я могу за себя постоять. Что больше ни один урод в мире не сможет сделать мне больно.

– Карина... ну все, проехали! – подруга пыталась сменить тему и разрядить обстановку. Именно поэтому мы и подружились – ни одна из нас не задавала лишних вопросов и не лезла в душу... – Ты сегодня вечером сможешь вырваться?

– А что сегодня?

– Да ты что!!! У Ефимова предки свалили, он устраивает мега-крутую вечеринку... Ты не можешь это пропустить.

Я слушала ее и... завидовала. Да, я завидовала тому, с каким искренним восхищением она говорила об очередной гулянке. Завидовала, потому что это, черт возьми, нормально, в 15 лет визжать от предчувствия такого праздника. Где все мои сверстники общаются, веселятся, девочки шушукаются с подружками и обсуждают очередного красавчика. А мне нужно делать вид, что я такая же. Так легче... и мне, и им. Чтоб не нарваться на очередную порцию жалости и сочувствия....

– Ничего себе! И с каких это пор Ефимов перестал бояться своего грозного папашу?

– Каринаааа, наверное ему надоело плакать в углу от того, как все его называют... – Танька заливисто засмеялась, так искренне, что даже мне захотелось улыбнуться.

– А как его называют?

– Ты что, реально не знаешь? – она продолжала хихикать, оглядываясь по сторонам, и тогда прислонилась к моему уху, – его называют “Да, мой господин!”

Теперь засмеялась я, вспоминая, как каждый раз, когда Ефимов заходил в класс, парни подпрыгивали с места, приседая в реверансе и снимая с головы воображаемую шляпу, чтобы поприветствовать нашего заучку словами “Да, мой господин”. Он настолько боялся своего отца, что даже один его вид заставлял Ефимова бледнеть, краснеть, зеленеть – и все это то по очереди, то одновременно. Слабаков никто не любит. Их даже не жалеют – потому что они не способны вызвать уважение. И, видимо, пришел момент, когда папенькин мальчик решил доказать, что он повзрослел, не подозревая, что дает всем шакалам, которые его окружают, очередной повод для злорадных шуток.

– Вы ненормальные... Но да, такое зрелище я не могу пропустить. Ты только это... возьми с собой валидол, нашатырь, или что там еще нужно – будем Ефимова в сознание приводить после того, как вся наша арава завалится в его элитный особняк.

– Ты не волнуйся, Каринка, он будет за нами с веничком и тряпочкой бегать....
– Нет-нет, Танька, придется позвонить тете Фаине, одолжить у нее дефибриллятор....
– Если твоя тетя Фаина узнает, где ты зависишь по вечерам вместо библиотеки – дефибриллятор понадобится ей...

Мы подшучивали друг над другом и сами не заметили, как подошли к школьным воротам, за которыми всегда стояли самые шикарные тачки, которые только можно было представить. Водители ожидали, протирая мерседесы и бентли своих хозяев чистенькими тряпочками, чтоб ни одно пятно не уродовало идеально отполированную поверхность.

Я села на заднее сидение и, встретившись взглядом с водителем, сказала:

– Ну что, поехали?

Леша – хороший парень, молчаливый, он присматривал за мной, но никогда не говорил ничего лишнего. Не знаю, почему – то ли понимал меня в чем-то, то ли не привык вмешиваться, а может, решил насобирать козырей на будущее – но ни одна моя тайная “вылазка” из дома пока не раскрылась.

– Домой?

– Конечно, домой, Леша. Куда еще может ехать хорошая послушная девочка после окончания уроков... – я отвернулась к окну, дав понять, что разговор на этом окончен. Набрала номер Дарины. Как хорошо, что в этом пустом мертвом особняке, который мне еще пару лет придется считать своим домом, есть она. Самая родной человек на всем свете. Наверное, нам нужно кого-то любить, чтобы чувствовать, что внутри осталось что-то живое. А Дарина – простая, открытая, искренняя... я тянулась к ней, и она понимала меня с полуслова, и она единственная, кто помогал мне держаться.

– Даринка, привет... Как ты?

– Привет, Карин... Я в универе еще... Все в порядке?

– Да, ты когда будешь? Я сейчас домой еду. Хочу вечером к Таньке смотаться... – услышала, как на том конце провода воцарилось молчание.

– Карина, отец вот-вот приедет. Зачем ты усложняешь? Я же знаю, куда ты собралась...

– Дашкаааа, он даже если и приедет, все равно меня не заметит. А вообще его самолет только завтра в 8 утра прилетает – я узнала все. Ну пожалуйста, ты же знаешь, как мне сложно усидеть в этом могильнике....

– Хорошо, только я потом тебя заберу. И ты должна отзваниваться каждый час. Обещай...

– Обещаю.... Спасибо, я тебя обожаю....

Андрей

Мы ехали уже около часа, и возникало ощущение, что именно так выглядит ад, вернее его преддверие. Жара, настолько сильная, что казалось, машина вот-вот начнет плавиться, и если прикоснуться рукой к металлу – он останется на пальцах, въедаясь в кожу и оставляя на ней глубокие раны и ожоги. Горячий воздух вперемешку с пылью проникал в ноздри и горло, иссушая их изнутри и заставляя судорожно сглатывать остатки слюны, ощущая, как немеет язык. Даже кондиционер, который работал на полную мощность, не давал желаемой прохлады. В который раз оглянувшись, осмотрев пейзаж сквозь тонированные стекла бронированного автомобиля – вокруг один песок, океан из песка, которому не видно ни конца, ни края. Но если стихия воды пугает нас своей мощью и необузданной силой, то здесь жутко становилось от мертвой тишины, от этого безмолвного покоя. Потому что здесь тебя никто не найдет. Никогда.

Услышал, как завибрировал сотовый и, рассмотрев на дисплее имя звонящего, ответил:

– У меня мало времени, говори быстрее!

– Граф, тут такое дело...в общем, я не уверен, но....

– Послушай, Серега, не тяни кота за... – чертыхнулся, едва сдерживаясь от словесного потока откровений, насколько сообразительны отдельные личности, – случилось что?

– Мы нашли наркоту у нескольких наших пацанов...

– Ты какого хрена звонишь мне, если есть конкретные инструкции?

– А если их подставили?

– Меня это не интересует. Попались – заплатят... Действуй!

Наказывать нужно не за последствия, а за намерения. Пусть другие боятся и знают, что ждет каждого, кто посмеет нарушить правила. Чертова гуманность – всего лишь миф. Дай людям волю – и они вылезут тебе на голову, а хорошее отношение примут за слабость. Язык силы и жестких решений куда эффективнее. Несколько лет назад я попытался бы разобраться в ситуации, тогда человеческая жизнь представляла для меня хоть какую-то ценность. Сейчас же эта валюта резко девальвировала...

Нажав на кнопку отбоя, сразу же набрал Макса. Мы, хоть и виделись крайне редко, но были в курсе всех дел. Семейный бизнес, мать его так. Да и объединило нас то, что в считанные секунды делает людей близкими – это горе и общая месть.

– Макс, я прилетел уже, в машине еду сейчас к пункту назначения. Как у тебя там?

– Здорова, Граф. Да вот, подъезжаю к обители зла и порока...

– А что, ты еще и в других местах бываешь?

– Не завидуй так громко, братец. В следующий раз вместе поедem. Сам-то как?

– По идее, на подъезде уже, если не подохну среди этого песка. Завтра вернусь...

– Вот и обмоем это дело, сто лет не виделись. Глядишь, и скучать скоро начну.

– Обмоем, конечно. Есть повод. До связи, Макс...

Прошло три года, но мы ни разу не вспоминали тот день. Говорили о делах, мелочах, отце – о чем и о ком угодно, но только не о Лене. Ни слова, ни намек. Словно построили стену, которая разделила жизнь на до и после. И оба тщательно следили за тем, чтобы она не дала ни одной трещины. Слишком больно. И будет так же. И через год, и через десять. Есть боль, которая походит на неизлечимую болезнь – с ней уживаешься, сосуществуешь, и со временем она становится твоей частью. Ты привыкаешь к ней и знаешь, что ваш союз, словно скрепленный данной самому себе клятвой, продлится до самой смерти.

Большой роскошный особняк появился настолько неожиданно, что казался каким-то нереальным посреди этой пустыни, которая не давала шанса ничему живому. Как оазис. Только и это было иллюзией. Потому что дом стоял здесь для того, чтобы сеять смерть – именно там я должен заключить сделку насчет регулярных поставок оружия. Люди будут убивать, они будут стрелять друг другу в затылки и спины, пока будут существовать, и на этом всегда кто-то будет зарабатывать. Я давно избавился от иллюзий, выбросив их остатки в выгребную яму – ту самую, где гниет наша вера во что-то хорошее. Источая зловонный запах, отказываясь умирать, время от времени поднимая голову, но яма настолько глубокая, что тот, кто наверху, никогда этого не увидит. Потому что не хочет, отказывается, отворачивается, выстраивая вокруг себя стены из равнодушия и жестокости.

Я знал, что законы общества не меняются – оставалось лишь урвать от них то, на что хватит сил. Главное – делать это с умом и самым выгодным расчетом. Черный рынок оружия мы отбросили сразу – слишком большие риски, слишком сомнительный контингент и слишком много грязи. Да и уровень нас интересовал абсолютно другой. Двинуть стволы и прочий арсенал дальше, по завышенным ценам – не наша забота. Мы разработали схему, мы через свои каналы организовали полулегальные перевозки – и теперь оставалось собрать сливки и получить свою долю от наvara.

Я понимал, с кем буду иметь дело. Анзур – подлая и хитрая тварь, но он мог обеспечить нам постоянный стабильный поток, и он был платежеспособен. Мы, в свою очередь, нужны

ему, потому что его интересовали большие объемы, которые можно было бы переправлять через границу. И пока это взаимная необходимость друг в друге существовала – ни одному из нас не было резона ее прерывать.

Нас встретили его прихвостни и пригласили войти в дом. Мощный поток разгоряченного воздуха поднял столп пыли и пришлось зажмуриться, чтобы защитить глаза от песка, который все равно пробирался сквозь ресницы, оседая скрипучим осадком на зубах.

Закрыв за нами дверь, люди Анзура провели нас в гостиную – вычурную, вульгарно обставленную в попытке продемонстрировать богатства своего владельца. Наконец-то удалось вздохнуть, набирая в легкие прохладный воздух.

– Ну здравствуй, Андей, здравствуй, дорогой гость....

Анзур подошел со спины и, обойдя меня, раскрыл руки, приглашая в объятия. Смотрит в глаза и ждет, как я поступлю. Проверяет... не боюсь ли... не опасаясь ли... что он, сомкнув руки, засадит мне нож между лопаток.

Я сделал ответный жест и в этот момент наши люди по обе стороны вскинули оружие, направляя друг на друга – жест, отработанный до автоматизма. В такие моменты каждая секунда может оказаться решающей. К дулу, которое направлено тебе в лоб, нельзя привыкнуть, и даже если лицо остается невозмутимым, тело становится как будто каменным, чтобы не сделать ни одного лишнего движения.

– Спокойно, – я поднял руку вверх и, не оборачиваясь назад, продолжил, – мы дела цивилизованно будем решать, не так ли, Анзур?

Смотрим друг другу в глаза и понимаем, что в них можно увидеть что угодно, кроме доверия. Каждый рискует, каждый ждет подвоха и готов, не думая, прикончить второго прямо на месте.

– Конечно-конечно, разве может быть по-другому, – темные глаза забежали, сфокусировать взгляд сразу же ему не удалось, что говорило о волнении и страхе, – мы же партнеры... Андрей...

Скользкая и хитрая мразь, намекает, что мы друг другу нужны. И в этом он прав. Конечно же, найти другого такого Анзура возможно, только мы и так убили много времени на то, чтобы провернуть всю эту схему. Все сделки будут оформлены официально и под прикрытием государственных чинов. Это избавит нас проблем с таможней, а менты с обеих сторон заранее прикормлены. Анзур, как и я, выступал посредником, потому что ни продавец, ни покупатель светить свои личности никогда не стали бы. Но со временем я планировал действовать напрямую, а до этого мне был нужен этот сученыш.

– Партнерами мы станем, когда ты выполнишь свою часть сделки. Время – деньги, Анзур, ты же не любишь, когда они текут мимо твоего кармана?

– Куда ты так торопишься, дорогой? Мы же обо всем договорились уже... Отдохни с дороги, пообедаем, чая горячего попьем. Ты знаешь, что это лучший способ пережить жару?

Я понимал, что он пытается окутать меня словами, словно паутиной, чтобы рассеять внимание. Надеясь на восточное гостеприимство и давая понять, что мой отказ он воспримет как личную обиду. Только все это – дешевые трюки, и у меня не так много времени, чтобы понять, что за этим стоит.

– От чая не откажусь, а насчет обеда – в другой раз. Это же не последняя наша встреча.

Мы дали знак своим людям, чтобы оставили нас наедине, и через несколько минут нам принесли напиток и сладости. Анзур, развалившись в кресле, сканировал меня взглядом, который в определенный момент метнулся на того, кто принес поднос с чаем. Он потянулся рукой к одной из чашек и я порывистым движением опередил его и взял в руки именно ту, которую выбрал он. Заметил, как он судорожно сглотнул, это было видно по движению его кадыка.

– Ну что, Анзур, за начало нашего дела. Обычно такие дела скрепляют напитками покрепче, но традиции твоего дома я уважаю, поэтому чай... значит чай. – Поднес чашку к

губам и отпив маленький глоток, обратился к ублюдку. – Перехотелось пить, Анзур? Или чай тебе больше не помогает бороться с жарой?

Он побледнел и трясущимися пальцами взял в руки чашку. Я поднялся из кресла и резко выбил ее из его рук – чашка отлетела в сторону, оставляя на мягком ковре большое пятно.

– Тебе рано подыхать, мразь. Я теперь сам решу, сколько тебе жить.

За доли секунды увидел в его руках нож, которым он замахнулся, чтобы нанести удар. Я перехватил его руку за запястье, сжав со всей силы и выкручивая, пока он не разжал пальцы. Нож упал на пол, и я ногой отбросил его подальше. Ударил Анзура кулаком в живот, а когда он согнулся, вцепился руками в волосы и заехал коленом по лицу. Из носа хлынула кровь, и он взвыл:

– Тварь, бл... Русский ублюдок...

Я нанес еще один удар и увидел, как в комнату вломились вооруженные парни. Обхватив сзади его шею локтем и приставив к виску пистолет, прошипел:

– Ты думаешь, узкоглазые ублюдки лучше? Сейчас поставишь необходимые подписи, урод... – сжал шею сильнее, перекрывая ему кислород, и когда он начал дергаться, немного ослабил захват, – и твой процент уменьшится вдвое. Все понял? Не слышу?

Он, откашливаясь, прохрипел:

– Да, отпусти только. Не убивай....

Я, посмотрев на вооруженных до зубов головорезов, которые были похожи на голодных псов на привязи, ждущих команду «фас» – нерастарченная жестокость полыхала в глазах особым блеском – рывкнул:

– Один неверный шаг, и будете своего хозяина по частям собирать.

Они опустили оружие, только по их напряженным лицам было понятно, каждый ждет удобного момента, чтобы разрядить обойму.

Я, потащив Анзура к выходу, оглядвался по сторонам – выстрел мог раздаться с любой стороны – я понимал, что нас держат на прицеле.

– Тебя убьют и без меня. Те, кто поручил дело такой суке, как ты...

Я, прикрывая свое тело этим ублюдком, дошел до машины и, втолкнув его внутрь, дал знак своим парням, что мы уезжаем. Пока Анзур у нас – никто из его шакалов не осмелится стрелять.

Мне нужно было добраться до самолета, а когда окажусь дома, распланировать, как строить дела дальше. Главное – что первая партия в пути.

Домой я долетел, только встретила меня группа ФСБ, прямо в аэропорту. Заковав руки в наручники и, не объяснив ни слова, потащили в сторону воронка под вспышки фотокамер и крики журналистов, которые, словно стая стервятников, слетелась на очередную сенсацию...

Глава 3. Дарина

Я беспомощно озиралась по сторонам, грохот музыки заставлял вибрировать барабанные перепонки, и мне казалось, я нахожусь в каком-то муравейнике, где снуёт туда-сюда конвульсивно дергающаяся публика. Вокруг мигают красные лампочки и кровавый дизайн заведения режет глаза своей яркостью с претензией на готичность. Внутри волнами нарастало беспокойство, и я то и дело пыталась дозвониться до Карины, но тщетно. Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети. Продираясь сквозь потные тела и стараясь сбросить руки, хватающие за волосы, за плечи, нажимала и нажимала клавишу вызова. Ну давай! Давай! Отвечай!

Я же знала, что она может вытворить нечто подобное. Знала и не уследила. Где мне теперь искать ее? Куда она увязалась за этим проклятым патлатым Берном, чтоб он сгорел на сцене при очередном пиротехническом трюке со своей дешевенькой, разукрашенной электрогитарой. Бездарщина, возомнившая себя Куртом Кобейном. Самое паршивое, что я не могла позвать никого из наших, позвонить охране, Андрею. Никому. Потому что обещала присматривать за ней, не пускать никуда. Я взяла на себя ответственность перед братом, и он верил мне. Да и её подставить... Андрей и так всегда слишком нервничает из-за этих сложных отношений с дочерью, а вернее, из-за их полного отсутствия. Изо дня в день я наблюдала одно и то же – ее отчуждение и его неловкие попытки исправить непоправимое. Общая боль, разделенная между взрослым и ребенком, а точнее разделившая их пропастью длиною в невозвратимое и утраченное. Маленькая дрянь, когда я ее найду, то не знаю, что с ней сделаю... Господи! Ничего я с ней не сделаю, посмотрю в глаза ее мертвые и захлебнусь той бездной ужаса, которая прячется под показной веселостью. Все эти вечеринки, постоянный протест отцу – ее метод справиться с болью. Молчаливый крик о помощи, а помочь никто не может. Только она сама. И у меня опускаются руки, когда я думаю о том, с чем Карина живет, и какие кошмары терзают ее по ночам. Ведь я сама до сих пор засыпаю лишь под утро. Она часто приходит ко мне, ныряет под одеяло, и мы не спим вместе. Никто не спрашивает друг у друга, каких демонов мы видим, но они, однозначно, очень похожи. С той разницей, что я их только видела, а она побывала в их пасти. Иногда смотрим друг другу в глаза и снова молча отворачиваемся, вглядываясь в темноту и ожидая рассвета, чтобы наконец-то заснуть.

Я еще раз осмотрелась по сторонам, как вдруг почувствовала чью-то руку у себя на плече.
– Отвали, урод!

Ненавижу подобные места, если б не Карина меня сюда под дулом пистолета не затянешь. Не люблю толпу и запах пота, а еще ненавижу, когда трогают, лапают, осматривают похотливыми взглядами и норовят «снять». Так бы и съездила по яйцам.

– Меня попросили вывести вас на улицу и присмотреть за вами.

Смерила гневным взглядом вышибалу с надписью «секьюрити» (осторожно, злая собака!) на черной футболке и выражением лица, как у французского бульдога – устрашающе-тупо-добродушным. Попытка предоставить сервис, когда само слово наверняка ассоциируется у него с шифоньером бабушки, если переставить ударение и сменить последнюю букву на «з». Хотя может, он не знает ни одного из них. Я бы не удивилась – сила есть, ума не надо.

– Лучше б вы за вашими недопевцами присматривали как следует, а то даже не знаете, куда они свалили и кого с собой прихватили.

Всего лишь четверть часа назад именно этот придурок, после того, как я устроила скандал, сказал мне, что понятия не имеет какого черта мне надо и чтоб я отвалила, если не хочу, чтоб меня вышвырнули из клуба.

– Это не в моей компетенции, – определенно слово «сервис» ему знакомо, даже странно, удивил так удивил. – Идемте.

Он взял меня под локоть, но я отшатнулась от него.

– Руки убрал. Не прикасайся ко мне. Кто попросил?

– Зверь. Знаешь такого?

Я усмехнулась – теперь понятно, почему ты вежливый стал и глазки нервно бегают.

– Ты обознался. Иди, вход сторожи. Никуда я не пойду.

Мы оба знали, что не обознался, но он не рискнул настаивать, а я отступила в середину зала к барной стойке. Посмотрела вслед вышибале – а вообще мало ли, кто попросил. Доверие, последнее качество которым я обладала. Доверять можно только себе и близким. К остальным надо относиться, как к потенциальным врагам, тогда жить будет не так страшно и не так опасно. Бармен подвинул мне бокал с мартини, и я снова осмотрелась по сторонам в какой-то отчаянной надежде увидеть светлые волосы Карины и рваные джинсы с бордовой кофтой со стразами, но я уже знала – ее нет здесь, она уехала с этим уродом, который отплясывал по сцене верхом на гитаре и прыгал в толпу, как Тарзан недорезанный. Перевела взгляд на сотовый, на последний номер, который набрала и резко выдохнув, положила его на стойку.

Я нервничала так сильно, что мне казалось сердце отплясывает в груди безумное танго с хаотичными «па» сумасшествия. У каждого свой кайф. У кого-то от дозы наркотика или количества спиртного, а у меня от того, что услышала его голос спустя столько времени. Пусть даже по такой причине, когда от беспокойства за племянницу пальцы дрожат. Мне больше некому было звонить, и я знала, что он сегодня возвращается. Андрей сказал перед отъездом. Я могла не лгать себе самой – от этого известия ослабли ноги и стало трудно дышать. Ушла к себе в комнату и долго смотрела в зеркало – пока не возникло желание запустить в него чем-то тяжелым. Нет, я не считала себя уродиной, особенно сейчас, когда толпы поклонников не давали ни минуты покоя. Я знала себе цену и все достоинства с недостатками, первое умея подчеркнуть, а второе – скрыть. Кроме того, моя жизнь кардинально изменилась, пока я жила у Андрея, и то, что раньше казалось недостижимым, стало теперь более чем доступным: дорогие шмотки, косметические салоны, своя машина, обучение в престижном ВУЗе. Красота – это не только подарок от Бога и врожденный дар с неба. Она, как и бриллиант, лучше сверкает в дорогой оправе. Можно сколько угодно говорить о естественности и простоте, но женщины с деньгами имеют больше возможностей выглядеть лучше тех, кто их не имеет. Одной природы не всегда достаточно. И да, я любила деньги, я их просто обожала, вместе с теми возможностями, которые они мне открыли. Девочка, у которой шоколада не было даже по праздникам, знала цену каждой копейке, которую брат переводил на ее кредитную карточку, и ничего не потратила впустую. Андрей относился ко мне, как к дочери, баловал, не отказывая ни в чем, а мне ужасно хотелось, чтобы он мной гордился. Быть достойной семьи Вороновых. Я была благодарна за все, что он делал для меня и любила его, как любят единственного родного человека во всей вселенной. Человека, который заботился обо мне, взяв мою жизнь под свой полный контроль и опеку только потому, что я его сестра. Именно в этом доме я научилась ценить, что значит семья, именно в этом возрасте поняла, что такое узы крови. Андрей дал мне то, чего у меня никогда не было – тепло, любовь и уверенность в завтрашнем дне. Он подарил мне будущее, которое не светило жалкой детдомовке в нашем мире, где все решают связи и деньги.

Рассматривая отражение в зеркале, я снова почувствовала себя все той же ободранной, вшивой, худой, как шпала, и жалкой до невозможности, как три года назад, а мне ужасно хотелось, чтобы сейчас Макс заметил, насколько я изменилась. Мы почти не общались и не виделись эти годы, после того как он вышвырнул меня, словно паршивую собачонку, которая стала больше не пригодна для его личных целей. Я не обиделась, нет. Конечно же нет. Я просто несколько месяцев рыдала в подушку и ненавидела себя так, как только может ненавидеть подросток, который впервые узнал боль от безответных чувств, без всякой надежды на взаимность.

Я получила первый урок. Не от жизни, а от него. Свое первое разочарование и понимание собственного места в его приоритетах. Точнее, полное отсутствие этого самого места. Сейчас мне казалось, что я стала взрослой, и все розовые мечты с иллюзиями остались разбитыми где-то в темных коридорах той самой частной больницы, из которой меня, с залитым слезами лицом и опухшими глазами, забирал Андрей.

Да, иллюзии тогда разбились вдребезги, а вот собственная реакция на его голос никуда не делась. Только теперь помимо восторга оставалась горечь разочарования и ненависти к нему за то, что так жестоко опустил на землю.

«Вали к своему брату, мелкая! Ты всего лишь пазл в моей личной игре. Запасной пазл, который не пригодился. Не знаю, о чем ты там размышляла. Пришло время передислокации – меня отправим в кровавые кошмары, а ты продолжишь сказку во дворце брата в качестве маленькой принцессы, которая ждет принца, а не дракона. Давай, вали я сказал! Что смотришь, как впервые увидела? Ты мне до смерти надоела. Я на няньку похож? Таскаться с тобой и сопلي подтирать. Я даже баб трахать у себя в квартире не могу. Короче, всё. Чтоб я тебя больше не видел».

Выдохнула и бросила взгляд на дисплей сотового. Сказал, скоро будет. Вот так просто. Спустя три года. Говорил со мной, словно, вчера еще на его кухне тарелками гремела и в его футболке на диване засыпала... под его запах и монотонный звук телевизора. «Малыш»... меня никто и никогда так не называл. Это просто первая влюбленность, наверняка все прошло за это время. Я стала старше и у меня уже было подобие отношений, если так можно назвать возню на заднем сидении автомобиля с некоторыми однокурсниками, свидания в кафешках, клубах. Я достала из сумочки сигарету и едва успела затянуться, как кто-то ее выхватил.

– Ты забыла, что не куришь, мелкая?

Резко обернулась, вздохнула, а выдох застрял где-то в районе сердца. Я забыла, о чем думала секунду назад. Точнее, все, о чем я думала, вдруг стало равным нулю. В горле мгновенно пересохло. Оказывается, у бабочек в животе нет срока давности – они бессмертные психованные монстры, и сейчас всей дикой стаей вгрызлись в меня крохотными зубами-иглами, посылая по всему телу волну дрожи. Незаметную и в то же время почти болезненную. Мгновения тишины, когда я чутко прислушивалась к тому, как они бьют крыльями внутри, пока я смотрела в его синие глаза. Не изменился. Совершенно. Надежда, что для меня, шестнадцатилетней, Макс выглядел слишком идеализированно, чем для девятнадцатилетней, с оглушительным треском лопнула по швам, осыпаясь рваными кусочками пепла. Все гораздо хуже. Это тогда я не до конца понимала, что чувствую, когда смотрю на него. Теперь я видела то, чего просто не могла видеть в шестнадцать. Голый, неприкрытый секс во всем: начиная с легкой щетины на высоких скулах и заканчивая тяжелым взглядом темно-синих глаз, который заставляет дышать в два раза быстрее, потому что слишком невыносим, слишком наглый и насмешливо-циничным.

Красивый какой-то небрежной красотой, когда обладатель не прикладывает к этому никаких усилий, но определенно знает, как действует на женщин и дьявольски уверен в себе. В модной темно-серой рубашке с распахнутым воротником, с закатанными рукавами и узких потертых черных джинсах он казался моложе. Сейчас я видела на его тыльной стороне запястья черного ворона с изогнутым клювом и массивную печатку на среднем пальце. Беспорядок в черных волосах, словно только что их взъерошили чьи-то голодные пальцы, захотелось запустить в них свои и сильно сжать, непроизвольно стиснула ремешок сумочки.

– Полный боевой раскрас и экипировка, – Макс усмехнулся уголком рта и осмотрел меня с ног до головы, заставляя почувствовать, как кровь загудела в висках, – просто пошла с ней вместе, чтобы присмотреть? В таком виде тебе самой не помешала бы охрана.

Затянулся моей сигаретой и бросил окурок в мой стакан с мартини. От него исходила все та же волна опасности, как и раньше. Скрытая животная сила, неподвластная пониманию. Я чувствовала, что нервничаю намного сильнее, чем три года назад. Тогда все было намного проще.

– Да, ты еще и не пьешь, видать, тоже забыла, – швырнул официанту деньги, – Оформи мне порцию лейбла.

– Мааакс!

Мы оба обернулись к обворожительной блондинке, которая, виляя бедрами под музыку и потягивая коктейль, направилась к нам. Макс потер подбородок костяшками пальцев и усмехнулся, когда девушка, игнорируя меня и поворачиваясь ко мне спиной, поцеловала его в щеку. Подхватил ее за тонкую талию, слегка приподняв и вглядываясь в фарфоровое лицо с ярким макияжем.

– Давно тебя здесь не было, Мааакс. Так и не позвонил после...

– Детка, я здесь по делу... – оборвал на полуслове, а у меня щеки вспыхнули от его «детка» и «после». Понятно, после чего.

Отстранил девушку от себя и, оглядывая с ног до головы, снова усмехнулся. Вот сейчас я реально видела, как он умеет смотреть на других женщин, и собственной кожей почувствовала, как напряглась под его взглядом блондинка и нервно облизала губы, явно вспоминая то самое «после». Потом обернулась ко мне, вздернув тонкую бровь и рассматривая, как заморское насекомое, бросила Максу:

– Понятно...

Улыбка исчезла с её лица, а Макс отстранил ее от себя.

– Давай – иди развлекайся, милая. Я занят.

Отвернулся и снова взял бокал. Самое интересное, девица явно не обиделась, а потерлась о него внушительным бюстом.

– Вижу, что сегодня занят. Когда освободишься, не забудь... Позвониии...

Посмотрев на меня с нескрываемым раздражением, она скрылась в толпе, а Макс допил виски и перевел взгляд на меня. Интересно, позвонит ей?

– Ты бы поздоровался хотя бы, – фыркнула я, чувствуя, как злость набирает обороты.

– Мы разве не здоровались по телефону? Привет, мелкая. Давно не виделись. Ты совсем не изменилась.

– С деткой, – огрызнулась я.

Лучше бы ничего не говорил вообще. Не изменилась? Это значит я выгляжу так же, как и та пигалица на фотках трехлетней давности. Малолетка с идиотским обручем на волосах и угловатым, бесформенным телом. Сравнил с этой шлюшкой? Или специально?

Он допил виски и толкнул бокал щелчком пальцев по барной стойке.

– Ты тоже. Совсем не изменился.

Какой сволочью был – такой и остался.

– Вот и чудно. Не люблю разочаровывать маленьких девочек. Какого черта вы делали в этом гадюшнике? Я бы вас обеих выпорол за эту выходку по задницам и нахрен дома закрыл под замок.

– Мне уже не шестнадцать, Максим. И выдрать меня уже нельзя. Я сама решаю, где и с кем проводить время.

– Кто сказал, что нельзя? Тебя выдрать? – на секунду взгляд стал еще тяжелее, и я снова сделала вдох без выдоха. Слова прозвучали очень двусмысленно, грубо и возбуждающе настолько, что мне показалось, кровь пульсирует не в венах, а в нервах. Я вся сжалась, а он продолжал смотреть в глаза.

– Значит так, ты сейчас подождешь меня снаружи, а я узнаю куда этот ублюдок мог увезти Карину.

Макс достал пачку из кармана и сунул в рот сигарету, а я наконец-то выдохнула. Перевела взгляд на отблеск от огня зажигалки, осветивший его длинные ресницы, ровную переносицу, и чувственные губы, зажавшие фильтр. Макс затянулся сигаретой, выпуская дым кольцами, и поманил пальцем все того же вышибалу. Я спрыгнула с высокого стула и, одернув короткое платье, поймала за облаком сигаретного дыма скользнувший по моей ноге взгляд его прищуренных глаз.

Охранник подошел к нам, но прежде чем он успел что-то сказать, Макс резко схватил его за затылок и завалил на барную стойку, придавив голову парня к столешнице с такой силой, что тот поморщился от боли. Я судорожно сглотнула, бросив взгляд на ствол в кобуре у вышибалы.

– Я тебе сказал ее вывести отсюда?

– Она не захотела. Я ж не потащу насильно, Зверь, – охранник морщился и кривился, но попытки вырваться не делал.

Макс бросил взгляд на меня потом снова на бритоголового охранника, прижав сильнее, надавливая на ухо, наклонился к его покрасневшему лицу.

– То есть, кроме как насильно, никакие другие идеи твою тупую голову не посетили? Ладно, черт с тобой. Выведи на улицу и присмотри за ней. Где здесь обитает импрессарио того патлатого говнюка?

Отпустил парня и тот, потирая ухо, кивнул на дверь с неоновыми наклейками.

– Ясно, – Максим снова посмотрел на меня, – на улице жди. Я быстро.

Он вернулся спустя полчаса потряхивая рукой и снова отобрал у меня сигарету, затянулся, а я нервно сглотнула, увидев сбитые костяшки и кровь на воротнике рубашки. Проследил за моим взглядом:

– Несговорчивый был вначале импресарио, пришлось умащивать, уговаривать. Давай в машину, малыш. Домой отвезу.

– Что значит домой? Без Карины?

– Да. Ты домой, а я поеду, привезу эту маленькую ведьму, пока Андрей не узнал об этой выходке. У патлатого козла концерт в пригороде, они там в местном отеле останутся.

Макс достал сотовый, набрал чей-то номер и, зажав аппарат между ухом и плечом, шелкнул по пульту на ключах. В ответ черный мерс подмигнул нам голубоватыми фарами.

– Фима, я свалю на сутки, проследи, чтоб у Лёвы там все выгорело. Да так, по одному делу. Не надо – справлюсь один.

Подхватил меня под руку, но я вырвалась, и Макс нахмурил брови.

– Что такое, мелкая?

– Я с тобой.

Усмехнулся, прикрывая трубку ладонью.

– Сама. Домой. В постель, в обнимку с плюшевым медведем, которого я тебе прислал в прошлом году. Давай, пошла, не зли меня, – снова взял под руку, сильно сжав пальцами и увлекая к машине, – Да, Фим. Давай, отзовишься мне, как все на мази будет.

Я резко выдернула руку.

– Никуда я не поеду с тобой!

Быстро направилась к стоянке такси. Черта с два он будет диктовать мне, что делать. Обойдусь и без него. Это я виновата в том, что Карина уехала, мне и возвращать ее домой, да еще в глаза посмотреть – за что так подставила.

Я помахала рукой таксисту, ускорив шаг. Внезапно меня подхватили под руки и впечатали в стену здания клуба.

– Совсем охренела, да? Куда собралась?

Макс уперся в стену чуть выше моей головы. Очень близко. Злой. На скулах играют желваки.

– На такси за Мариной, – ответила я и попыталась проскользнуть под его рукой, но он толкнул меня обратно, удерживая за плечо.

– Тебя таксист в таком виде бесплатно только в одно место подкинет, и тебе там не понравится... хотя... черт тебя знает. Ты ж говоришь, что выросла уже.

Насмешливо глянул на мое декольте и потом в глаза.

– Я все равно не буду сидеть дома и поеду. То, что Карина сбежала с этим уродом – на моей ответственности. Не хочу сидеть в четырех стенах и с ума сходить.

Он вдруг придавил меня к стене сильнее, заставляя зажмуриться:

– А чего ты хочешь? Таскаться со мной и мешаться под ногами? Заварили херню вдвоем, дуры малолетние, так не мешайте расхлебывать.

Глаза вспыхнули яростью, а меня пронизало током от этой близости и от его запаха. Захотелось зажмуриться и вдохнуть полной грудью. Перед глазами все поплыло, бабочки уже не трепещут – они жалят. И я вдруг поняла, что мне нравится это сумасшедшее ощущение, от которого дух захватывает и внутри нарастает нечто мощное, похожее на голод. Там, где его пальцы сжимали мое плечо, начало жечь, а перед глазами проносились картинки, от которых стало нечем дышать.

– Я. Все. Равно. Поеду, – процедила сквозь зубы, не отводя взгляда.

– Поедешь, мать твою.

Согласился он, глядя мне в глаза несколько секунд, а потом, оттолкнувшись от стены, пошел к машине, а я так и осталась стоять, глядя ему вслед. Макс вдруг обернулся ко мне:

– В машину иди. Одно неверное слово – брошу там, нахрен. Можешь не сомневаться.

Наверное, в этот вечер впервые улыбнулась я. Потому что знала точно – не бросит.

Глава 4. Андрей

Чем дольше я сидел на жесткой койке, наблюдая, как камера постепенно погружалась в предзакатную серость, тем больше убеждался, что все происходящее – театр. Даже не так, скорее «маски-шоу». Весь этот ажиотаж в аэропорту, ореол напускной строгости – вот, посмотрите, дорогие зрители, перед законом все равны. И нам не важно, это олигарх, простой обыватель или чиновник – на чистую воду выведем любого...

Мне до сих пор не выдвинули обвинения, не вызвали на допрос, не посадили к отморозкам – все это мы проходили, и на данный момент я оставался спокоен. По крайней мере, насколько это возможно. Напрягало только то, что забрали телефон, а это автоматически делало меня узником. Не решетки на окнах, не замки на дверях – а невозможность связаться с нужными людьми. Поэтому, единственное, что я мог делать – это ждать, прекрасно зная все нюансы этих задержаний и методов психологического давления. К тому же то представление, которое было разыграно для любопытных зевак, поможет не только им, но и мне. Уверен, что информация давно дошла если не к Максусу, то к отцу – точно, и то, что я до сих пор не веду душевные разговоры с одним из наших маститых адвокатов, лишь подтверждает факт применения морального прессинга.

Только среди этих людишек, получающих очередные награды и звездочки на свои погоны, кланяясь изображению президента в массивной рамке на стене, так мало тех, кто догадывается, что их жалкие попытки выбить мне почву из-под ног – нелепы и смешны. Для этого меня не нужно закрывать на засов, а достаточно просто оставить наедине с самим собой.

Потому что стоило мне остановиться, замереть в водовороте вечных дел и суеты, которыми я забивал до упора каждую минуту своей жизни, как в голове проносились картинки... и самая жуткая из них в очередной раз возникла перед глазами.

Больничная палата... в нос ударил резкий запах хлорки, а в ушах звучит противное пиликанье приборов. Тонкая рука лежит на белоснежной простыне, время от времени сжимая ткань в хрупком кулачке, а в синеватую вену, проглядывающую сквозь бледную кожу, воткнут катетер капельницы.

Я стоял у двери, рассматривая Карину, и мне казалось, грудная клетка сейчас разорвется, с треском, от той боли, которая накатывала, словно лавина. Разрасталась, набирала скорость, смешиваясь с ненавистью и яростью, выбивая из легких воздух, и я вдруг почувствовал, что еще секунда – и я, черт возьми, не выдержу и завою. Перед глазами поплыло, но я продолжал смотреть, замечая запекшуюся кровь в уголке рта, закрытые веки, которые время от времени дергались от беспокойного сна, мотание головы, словно она продолжает кричать «Нет... нет... нет... не надо», наивно полагая, что ее уговоры могут хоть как-то помочь. Я не сделал пока ни одного шага вперед, трусливо оттягивая момент, когда придется посмотреть ей в глаза. Черт возьми, как? Как мне сказать ей, что Лены... ее просто нет. Еще пару дней назад улыбалась, примеряя свадебное платье, не веря своему счастью, а сейчас ее нет! И не будет никогда... не будет. Некому больше сказать «мама», разве что фотографиям, которые она будет хранить, как последние воспоминания.

Тихим шагом направился в сторону постели, стараясь не потревожить – с сегодняшнего дня она часто будет жалеть о том, что проснулась. Реальность окажется уродливой, холодной и пустой – словно город после стихийного бедствия. Вместо домов – обгоревшие дотла руины, вместо воды – ржавая жижа, и только небо останется таким же синим, но оно настолько далеко, что к нему никогда не дотянутся.

Пробежался взглядом вниз, по хрупким ключицам, тонким рукам с прозрачной кожей, истерзанной багровыми кровоподтеками, спустился к угловатой коленке, туго примотанной эластичным бинтом к шине. Простыня была откинута, позволяя смазанным мазью ссадинам подсыхать, и то, что я увидел, походило на тьму, которая в один момент поглотила солнце... Разлитые синяки и четкие фиолетовые отпечатки от пальцев, снаружи и на внутренней стороне бедер... Дьявол!!! Нет!!! Нет!!!!

Однако правда, уродливая и жестокая, ледяными пальцами сжимала горло, не давая дышать, и издевательски скалилась, с наслаждением наблюдая, как я корчусь от дикой агонии. Упивалась моим отчаянием, разрывающим изнутри при каждом кивке ее головы и издевательском: “Да...Смотри... Они сделали с ней это... Ты виноват... Смотри, не отворачивайся...”

Это невыносимо... Я чувствовал себя зверем, запертым в клетку с железными прутьями, которые с постепенно сдвигаются, приближаясь к телу и впиваясь в кожу. Еще немного – и услышу, как с хрустом ломаются мои кости. Схватил подвернувшийся под руку стул и, ослепленный кровавой пеленой, заслонившей все, что было перед глазами, со всей силы швырнул его о стену.

Карина резко проснулась и подскочила на кровати, дернув руками сорвала катетер – на пол мелкими каплями полилось лекарство. Черт! Я же напугал ее до смерти... не сумел справиться с болью и яростью, которые превращали душу в месиво. Я прильнул к Карине, вдыхая аромат ее волос, и дочь обвила руками мою шею:

– Папа, папочка.... – кинжалом по сердцу, потому что она впервые назвала меня не Андреем. – Как хорошо, что вы пришли... Боже... я думала, что умру... там...

Я чувствовал, как она всхлипывает, крепче сжимал ее худенькие плечи, которые подрагивали в такт вырывающимся из груди рыданиям. Я не хотел делать ей больно, но сжимал в объятиях еще сильнее, боясь оторваться, чтобы посмотреть на лицо и вытереть слезы. Потому что знал, эти несколько мгновений – последние... пока она не начнет меня ненавидеть. Это все, что у меня осталось от тех незначительных фрагментов жизни, когда мы были счастливы.

– Пап.... А где мама? – посмотрела мне в глаза, и мне казалось, что я сейчас стору, еле выдерживая ее взгляд, в котором еще светилась уверенность... – Позови ее, почему она не заходит?

– Карина, она не придет... – каждое слово словно колючей проволокой по горлу, разрывая его изнутри...

– Как не придет? Почему? Что ты такое говоришь? Мама-а-а-а... Мама-а-а... Позови ее... сейчас! Позови! – она била кулаками по моей груди, вкладывая в эти движения последние силы. В голосе пронзительным аккордом зазвучали отголоски паники и злости.

– Доченька, родная... прости, – толчки кулаками все яростнее, в ее глазах – страх, ужас и отрицание. Грудь вздымается от срывающегося дыхания, а по щекам тонкими ручейками катятся слезы.

– Где моя мама??? Что ты с ней сделал?? Что??? Я хочу ее видеть... позови... позови немедленно... Мама-а-а... Мамочка-а-а-а!

В палату прибежали врачи и, еле удерживая ее тело пока она выгибалась и билась в истерике, вкололи ей какой-то препарат.

– Что ты с ней сделал... Боже... почему она не пришла... Приведи мне ее... Да что же это такое??? Мама... почему ты не идешь... Мамочка-а-а-а!

Она вырывалась, кричала, плакала, выкрикивая гневные слова, билась в истерике, постепенно успокаиваясь – только этот искусственный покой коснется лишь ее тела...

И ей не станет легче от того, что каждый ублюдок, который к ней притронулся, подох, как мразь. Я выследил каждого. Первого нашел спустя пару часов. Он лакал в баре дешевое пойло, а уже через мгновение хрипел, хватаясь рукой за перерезанное горло, с недоумением пытаясь повернуться, чтобы увидеть, кто стоит за его спиной. Второго я застал в его собственной норе

– тварь... он даже не думал прятаться, был уверен, что все сойдет ему с рук. На дикие вопли не сбежались ни соседи, ни милиция – никому не было дела до того, что происходит за тонкими стенами этого гадюшника. Третьего пришлось поискать – трусливый ублюдок уже понял, что на него открыта охота. Только это не помогло ему избежать последнего полета в его жизни – вниз головой, в открытый коллектор, где он захлебнулся таким же дерьмом, которым являлся сам.

– Анастасия Сергеевна, я привел подозреваемого!

Услышав знакомое имя, я еле сдержал ухмылку. Похоже, сегодня удача решила со мной позаигрывать, задорно улыбаясь и подмигивая. Это фарт – по-другому не назовешь. Неожиданное и крайне желанное совпадение.

Анастасия Сергеевна... сколько официоза и благоговения – субординация, подчиненные, карьера. В то время как для меня она была просто Настей. В свои немного за тридцать она умудрилась занять серьезную должность в следственном комитете. Цепкая, умная, образованная и четко понимающая, чего хочет от своей жизни. К моменту нашей первой встречи она уже успела сходить замуж, родить сына, а также четко понять, что не создана для семьи и уюта. Она была не из тех, кто занимается самообманом и закрывает глаза на собственные желания, жертвуя ими во благо других. Именно поэтому, признавшись самой себе, что муж давно стал для нее лишь балластом, она разорвала эту рутинную и уже ничего не значащую для нее связь, а сына отправила на воспитание к бабушкам и нянькам. Сама же Настя полностью отдалась главному устремлению всей жизни – блистательной карьере.

Мы познакомились во время моего очередного «визита» в прокуратуру – за последние несколько лет нашей семейке хотели пришить столько дел, что я сбился со счета. Но в нашей жизни нет проблемы, которую нельзя решить. Связи, деньги, влияние, готовность делиться – и вот на очередном протоколе о закрытии дела красуется отсвечивающая влажным блеском печать.

Наше знакомство не ограничилось стенами казенных помещений и общением в присутствии адвокатов. Женский интерес в ее глазах был слишком красноречив, чтобы я упустил такую возможность. Мы были полезны друг другу, а когда кроме трезвого взгляда на вещи мужчину и женщину объединяет секс и взаимовыгодное сотрудничество, такая связь словно создана для того, чтобы ее продолжили.

Дождавшись, когда смазливый юнец в милицейской форме захлопнет за собой дверь и закрыв ее на ключ, Настя подошла ко мне, уже через секунду послышался характерный щелчок наручников, а я потирал запястья, растирая кожу на онемевших руках.

– Андрей, мне скоро придется фабриковать дела, чтобы ты соизволил зайти...

Она обошла меня и, упершись ягодицами о стол, с прищуром посмотрела в упор, расстегивая при этом верхнюю пуговицу на своей блузке.

Я хорошо помнил все, что скрывает ее одежда, и сейчас, глядя в ее сверкающие темные глаза, чувствовал, как плоть уже отозвалась тянущим позывом к действию. Да. Это не просто удача, это именно то, что мне сейчас нужно.

– Так вот чьих это рук дело... – я приподнялся со стула и подошел к ней вплотную, обхватив руками талию и усаживая на стол. – Могла просто позвонить, – разводя коленом ноги и сдвигая подол узкой юбки вверх по бедрам... – ты же знаешь, как мне нравятся... наши... встречи...

– Вот, пришлось напомнить о себе, – обняла за шею и, не отрывая взгляда, продолжила, – ты же знаешь, что я могу держать тебя в плену целых 72 часа....

Выдернул заклепку из собранных в пучок волос и зарылся в них пятерней, набрасываясь на губы в жадном поцелуе и лоя ртом вырвавшийся из ее груди стон.

Моментальное желание отыметь ее прямо здесь, на этом столе, порвать чертовы тряпки, которые прикрывает ее роскошное сочное тело. Забыться, снять напряжение, взять, получить кайф от ее несдержанных стонов. Есть женщины, которые возбуждают... Не силиконовыми губами или грудью пятого размера – таких кукол вокруг меня сотни. В ней было нечто другое – умение наслаждаться похотью и отдавать. Понимание, чего она хочет, и напрочь отсутствующее чувство стыда. В каждом вздохе и движении – желание. Неприкрытое, будоражащее кровь и заставляющее терять голову от того, насколько ей удастся излучать секс.

Горячая до одури... Мне всегда нравилось, как она преображалась во время наших встреч. Холодная, расчетливая и циничная во всем, что касалось дел, и такая податливая и страстная, когда дело доходило до секса. Она выгибалась мне на встречу, отвечая на поцелуй с таким же голодом, томясь от нетерпения и вздрагивая, когда остальные пуговицы ее блузки покатались по полу, а чашки бюстгальтера рывком были сдвинуты вниз. Жадные пальцы ловко справились с моими брюками, не задержавшись привычно на пряжке ремня – спасибо ее коллегам из приемного. Через секунду я рывком ворвался в нее, за какую-то минуту уже полностью готовую для меня, просто от того, что я рядом. Настя сжимала ладонями свою упругую грудь, подставляла под мой рот твердые, возбужденные соски, которые я прикусывал, вдальбываясь в ее тело, а она сжимала губы и еле удерживала крики.

– Черррт... как же я соскучилась... Андрей. Еще... Дааааа... Сильнее, Андрей... Да! Вот так...

Я знал, чего ей стоило сдерживаться, знал, как она кричит во время оргазма и чувствовал, что и сам на грани того, чтобы зарычать. Она впиалась зубами в мое плечо, ощущая, что начинает терять контроль, царапала кожу на моей спине, пока я, сильно сжав ее ягодицы, насаживал на член, все сильнее ускоряясь, врвался в нее глубоко, резко, жестко, чувствуя, как она начинает сокращаться. С новой силой продолжил толчки, чувствуя горячую влагу и пульсацию, и через несколько секунд, взаимный оргазм захлестнул с бешеной силой нас обоих, тело сводили судороги неконтролируемого напряжения, сменившиеся волнами опустошающего расслабления. Она еще дрожала в моих руках, а я, не выходя из ее горячего тела, повернул к себе ее лицо и, убирая со вспотевшего лба влажные пряди, сказал:

– Ничто так не идет женщине, как растрепанная прическа после бурного секса...

– А я думала, ты просто любишь женщин в форме...

– Меня возбуждает то, что под ней, тебе ли не знать...

– С тобой на форму не напасешься, – она нехотя отстранилась и многозначительно посмотрела на жалкий кусок ткани, которые еще недавно был блузкой, – запишу на твой счет...

– И что мне грозит за порчу личного имущества заместителя руководителя следственного комитета?

– Я буду требовать высшей меры наказания... и не думай, что в этот раз тебе удастся так легко закрыть дело...

– Я готов закрывать его, прикладывая максимум усилий. А вообще, Настя, я и правда соскучился... – отстраняясь, провел костяшками пальцев по следам от щетины на ее нежной скуле.

– А что, молоденькие помощницы перестали справляться с твоими аппетитами, гражданин Воронов?

– Понятия не имею, о чем ты, Анастасия, как там тебя? Сергеевна? Моя репутация чиста, как слеза...

– Невыплаканная, да? Всех тех, кто спит и видит, как прогуляться перед тобой в «форме»?

– Форме предпочитаю содержание, Настя, а в идеале – когда одно дополняет другое.

Железная леди-таки улыбнулась – нет женщины, которой бы не нравились комплименты. Тем более, если они заслуженные, и Настя прекрасно понимала как свою ценность, так и то, что я ее и правда уважаю.

Поправил одежду и, приподняв ее со стола, помог встать, удерживая рядом.

– Настя, кроме шуток, что мне пытаются впаять на этот раз? Странно, что наши вышколенные адвокаты до сих пор не перегрызли прутья моей решетки.

– Андрей, в этот раз дело очень серьезное. До такой степени, что даже я не могу сейчас ни на что повлиять. Считай, что это директива сверху. Конечно, держать тут тебя свыше положенного срока никто не будет, но дело шьют по-крупному.

– А подробнее? В какой сфере нас засветили в этот раз?

– Согласно протоколу задержания, незаконная сделка с оружием. Они начинают копать, но то, что подробности узнать не удалось, говорит о том, что за вас взялись... В этот раз очень цепко. Новое руководство, новые вызовы, как говорится...

– Хм... Похоже на личные счета...

– Очень даже похоже.. Думай, Андрей, кому дорогу перешел, и пока есть время – поставь на уши всех своих юристов и проверь людей в окружении.

– Насть, как там у вас шутят? Нет невиновных, есть плохо допрошенные...

– Да, а еще говорят: предупрежден – значит вооружен.

– Мне нужно увидеться с Максом, или хотя бы созвониться. Пусть они по ту сторону начинают действовать... Ты говорила о смене руководства? И кто там таким особо принципиальным оказался?

– Новый Генеральный у нас. Олег Николаевич Беликов.

– Беликов? Ты сказала Беликов?

– Да, Беликов... а в чем дело?

– Твою ж мать... Беликов... Настя, мне нужен Макс. Срочно!

Глава 5. Карина

– Боже мой! Как же хорошо! Как же мне хорошо! – открыв люк в машине, я поднялась на сиденье и вынырнула на поверхность. Мы ехали на огромной скорости, свежие вихри воздуха трепали мои волосы и заставляли закрывать глаза от восторга. Иномарка неслась по дороге, приближаясь к выезду из города. Музыка гремела на полную катушку, мощные басы били по ушам, заставляя дрожать даже стекла. Я купалась в волнах какой-то всеобъемлющей эйфории – когда кажется, что жизнь вдруг заиграла другими красками, а впереди – только лучшее. Я чувствовала свободу, крылья за спиной, и не важно, что это состояние пройдет через пару часов, но сейчас я наконец-то ощущала, что живу. Без страха! Без боли и без злобы....

– Карина, шампанское будешь, красotka?

– Дааааа, буду... я все буду... Как хорошо, что ты меня оттуда забрал... Беееерн... Как же хорошооооо!

Я плюхнулась на переднее сиденье, машину вел мой поклонник, который, повернув голову и улыбнувшись, положил руку на мою коленку. Наверное, впервые за последнее время я не шарахалась от кого-то, кто приближался ко мне, словно от прокаженного.

– Я же тебе говорил, травка зачетная... А ты ломалась....

– Ну я же не знала, что это так крутооооо!

– Это еще не круто, малышка... Круто я тебе дам попробовать позже... Не хотел в клубе светить...

Я не обратила особого внимания на его слова и сделала еще одну затяжку, вдыхая сладковатый дым, и наслаждалась состоянием какой-то непонятной легкости. Плевать на все... Мне же хорошо. Не надо никого бояться, и вообще – я свободна... Хотелось смеяться и плакать одновременно, даже горькие воспоминания словно затирались в моей памяти, становились размытыми, далекими и ненастоящими... Как же мне было это нужно. Эта передышка, отрыв, вызов... Себе, окружающим, вообще всему миру. Сегодня я разрешила себе быть другой...

Мы подъехали к какому-то отелю с мигающей вывеской, я не рассмотрела, что на ней написано, впрочем, все равно. Какая разница, где я, если мне не хочется никуда уезжать. Берн сказал ждать его здесь, пока он уладит все дела внутри. К нам должны присоединиться другие ребята, вечеринка ведь только начинается – ночь в самом разгаре. Гулять! Веселиться! Наслаждаться!! Да, я хотела всего и сразу – именно поэтому отключила телефон. Чтобы никто не доставал меня своими звонками и нравоучениями. Даринка... прости, моя хорошая. Только сегодня – мой вечер и я не позволю его никому испортить!

Берн вернулся за мной и открыл дверь машины.

– Выходи, красавица, веселье начинается!

– А все уже там, да? А кто еще придет?

– Мы первые, остальные сейчас подтянутся. Пойдем, выпьем пока, музыку послушаем...

Он обнял меня, опять предлагая косяк, и я, послушно затянувшись, почувствовала легкое головокружение и восторг. Берн повернул меня к себе и, на несколько секунд задержав взгляд на моих глазах, начал приближаться к губам. Я перестала дышать, услышала, как сердце затрепыхалось в груди, словно ошалелое, почувствовала, как подгибаются колени, а в голове все зашумело и завертелось... Мне казалось, что еще немного – и я потеряю сознание.захотелось вырваться, оттолкнуть его, убежать, лишь бы он ко мне не прикасался. Опять, все начинается сначала... На душе – горечь и разочарование, которые в один миг вытеснила злость. Нет! Я не хочу бояться... Не хочу и не буду! Хватит! Закрыла глаза и, собирая в кулак остатки решимости, сама впиалась ему в губы – вот так! Все же нормально... Я не трусливая истеричка,

я такая же, как все. Страх отступал, а на смену ему пришло... ничего... Вообще ничего... никаких эмоций, словно я просто стояла и смотрела на себя со стороны, успевая еще и анализировать каждое свое движение. Сколько рассказов я слышала обо все этой фигне – поцелуй, земля, которая уходит из-под ног, сбивающееся дыхание и прочая ерунда. Только ничего подобного я не почувствовала – так, словно внутри пусто и тихо. Ни звука, даже отголоска эмоций. Его губы – теплые, мягкие, даже нежные – и на этом все... Поцелуй Берна становился смелее и я начала вырываться. Мне не нравилось, не хотелось продолжать, все то состояние невесомости, в котором я пребывала до этого, вмиг куда-то исчезло, я как будто отрезвела. Молниеносно. В одно мгновение меня подкосили грусть и отчаяние, потому что всего минуту назад все было совсем по-другому.

– Ты чего, крошка? – БERN заглядывал мне в глаза, удерживая пальцами подбородок.

Я махнула головой, освобождаясь от его прикосновений. Мне становилось неуютно от этого разговора и авансов, которые я ему сейчас дала. Повисла напряженная пауза, и нужно было срочно спасать положение, пока вечер окончательно не испорчен. Я посмотрела на парня и ответила:

– Ничего, БERN. Где та твоя вечеринка? Веди, что ли. Мне нужно расслабиться...

Он пропустил меня вперед, открывая дверь в гостиницу. Мы поднялись на третий этаж и, повернув в нужное крыло, подошли к комнате.

– Может, позвоним нашим, что-то они долго едут...

– Да приедут, че ты волнуешься-то? Заходи, я щас бухло принесу. Пойщи стаканы пока...

Я вошла в номер, оглядываясь по сторонам. Большая кровать, шкаф, пара стульчиков, прикроватная тумбочка. Странное место для вечеринки, простора мало, тесно, и не потанцуем особо. Достала из мини-бара банку с Кока-Колой и вытащила из кармана телефон. Дарина наверное с ума сходит... Совесть тонкой иглой уколола где-то в области груди – внезапно и неожиданно, заставляя прикусить нижнюю губу и задуматься – что же я творю. Она мне верит, прикрывает, поддерживает всегда, а я? Хотела нажать кнопку включения, но, повертев аппарат в руках, решительно сжала пальцы в кулак, и спрятала его обратно. Все завтра... Все заботы, проблемы, нравоучения и разбор полетов – все потом...

БERN вернулся спустя несколько минут с кучей бутылок, сигарет, дисков – подготовка к вечеринке шла полным ходом, только вот ребята с девчонками все никак не могли добраться. Странно, конечно. Трасса полупустая, да и не так далеко от города.

Он приблизился и опять попытался поцеловать, сгребая меня в объятия и прижимая к себе – я отпрянула, потому что от него несло алкоголем, едва справляясь с рвотным позывом.

– Бееерн, не приставай... не хочу...

– Да что ты из себя недотрогу строишь, сама села, сама поехала. Что за дела?

Я чувствовала, как меняется тон его голоса и как тело начинает сковывать страх. Поднимается мелкими крупинками от пяток, покрывая кожу, двигаясь все быстрее и быстрее, противно пощипывая и жаля.

Он понял, что последняя реплика была не совсем удачной и, сделав шаг назад, добродушно улыбнулся и поднял руки – показывая, что мне нечего бояться.

– Малышка, я знаю, что тебе поможет... – он вытащил из заднего кармана джинс плотный прозрачный пакетик, набитый белым порошком. Пару раз подкинул его на ладони, глядя на меня с гордым видом. Видимо, в его мире такое количество наркоты причисляло его к “элите”. – Ты слишком напряжена, давай расслабимся... ммм? Не бойся. Оторвемся по полной, никаких проблем, никаких забот... Я угощаю. Ты знаешь, какой кайф получишь всего через несколько минут? Ты даже не можешь себе этого представить, будешь рыдать от счастья и просить еще... Ну... давай, красотка, считай, что ты встретила своего доброго волшебника и эту дозу получишь бесплатно... Ты ведь такая красивая, послушная девочка и чертовски мне понравилась...

Его голос звучал так... проникновенно, даже соблазнительно. И правда – мне так хочется отвлечься, отпуская все тормоза, забыться, увидеть мир без страха, преодолеть этот чертов барьер ужаса и боли. Получить удовольствие от того, что до этого представлялось мне самым жутким кошмаром. Вот он – выход. Осталось лишь протянуть руку и кивнуть в знак согласия. Каждое его слово – такое сладкое, как тягучая карамель, оно звучит так безобидно, словно он предлагает мне обычную конфету. Внутри будто балансировали чаши весов, перевешивая то в одну сторону, то в другую. Берн заметил мое замешательство и решил не отступать.

– Кариша... солнышко, ты ведь этого хочешь, – протянул пакетик, ожидая, когда я возьму его в руки, – не трусь.. бери... всего один раз... Ничего не случится...

Почувствовала, как начинаю запутываться в той паутине, которую он ловко вокруг меня сплел, произнеся всего несколько нужных фраз. Почувствовав мое слабое место, он продолжал давить на него, обещая все больше, не скупясь на яркие описания и сладкие обещания. Я взяла-таки этот чертов пакетик, и казалось, он обжег мою ладонь. Берн с довольной ухмылкой мысленно праздновал свою победу, приобнял за талию и, опуская руку ниже, сжал за ягодицу, крепко прижимая меня к себе. Его вздыбленный твердый член уперся в мой живот, и внезапно мне стало настолько жарко, что по позвоночнику каплями побежал пот. Я ощущала его крепкий захват, учатившееся дыхание, напряжение мышц и думала о том – а что, если попробовать? Испытать все то, о чем он говорит, вкусить запретный плод и доказать самой себе, что я смогу? Избавиться от этого навязчивого страха. Да все мои подружки имеют нормальные отношения, одна я живу, как запуганный зверек. Он прав, мне нужно просто расслабиться, наплевать на запреты и отдаться ему, словить кайф в конце концов. Почувствовала, как тело немного расслабилось, напряжение начало отходить, правда, внутри было все так же тихо. Ни волнения, ни возбуждения, ни трепета от предчувствия близости. Я ведь хотела бросить себе вызов, значит, хватит сомневаться! Я убеждала саму себя, только что-то внутри упрямо подсказывало, что это говорю не я. Это не мои слова, не мои мысли, их словно вложили в мою голову, придавая идеальную форму – настолько точную, что от оригинала отличить практически невозможно. Берн, наблюдая за мной и тонко улавливая перемену настроения, опять улыбнулся, проведя кончиком языка по своим губам и подмигивая:

– Да, моя умница... Сегодня я покажу тебе, что такое настоящий секс...

Я смотрела не его расплывшуюся от предвкушения улыбку, лицо, на котором отобразился отпечаток триумфа, и вдруг поняла, насколько мне противно и страшно... Только я боялась не его, нет! А тех мыслей, которым позволила возникнуть моей голове. Черт возьми, я хотела попробовать эту дрянь!!! Чуть не позволила столкнуть себя на самое дно, с которого невозможно подняться! Я разжала кулак с пакетом – он упал на пол и, упираясь ладонями в плечи Берна, со всей силы оттолкнула от себя. Он не ожидал такого поворота, и только благодаря этому мне удалось сейчас вырваться. Я попятилась и, вложив в свой голос максимальную уверенность, отчеканила:

– Руки при себе держи. А то я такой кипиш подниму, что мало не покажется, понял?

– Бл***, да что ты дикая такая? В клубе сговорчивее была... Знал бы – не связывался бы с малолеткой...

В этот момент дверь с грохотом кто-то выломал – что за люди, есть же ручка. Варвары! О, ну конечно, кто же это еще мог быть! Офигеть! А он что здесь делает?

Это был Макс. Именно так я его называла, впрочем, он сам сказал называть его только так. Его глаза полыхали яростью и злостью, казалось, еще секунда – и он разнесет это номер ко всем чертям. В щепки. Это еще хорошо, что Берн был на безопасном от меня расстоянии, а то этот псих точно разнес бы ему голову. Макс, видимо, услышал последнюю реплику моего кавалера, потому что сразу же двинулся к нему. Тяжелой поступью, глядя исподлобья, подошел вплотную к Берну и со всей силы заехал ему лбом по носу. Тот взвыл от боли, от неожиданности споткнулся, и хватаясь за нос, из которого струйкой текла кровь, упал на пол.

– Вы что, психи, что ли?

Макс, смерив его презрительным взглядом, так, словно перед ним мелкое насекомое, сделал еще один шаг, и когда Берн, дрожа всем телом и боясь приподняться, начал ползти в сторону двери, процедил сквозь зубы:

– Послушай, ты, падла, исчезни! Вали отсюда, чтобы в городе я тебя вообще не видел! Пять минут – потом станешь мишенью для игры в дартс...

Глазки Берна забегали еще быстрее, он хотел было что-то ответить, но, посмотрев на свирепое выражение лица Макса, просто свалил. Какое жалкое существо, просто смешно и противно. Только я не собиралась произносить это вслух.

– Ты смотри, дядя Максим! А что случилось? По племяннице соскучился?

– Послушай, мелкая. Ты говори, да не заговаривайся. Я не посмотрю, что ты дочь моего брата – получишь по полной.

В этот момент я вспыхнула, словно спичка. Отца он вспомнил, тоже мне. Да плевать он хотел, где я и что со мной происходит. Я выпрямила спину и, вздернув подбородок, произнесла:

– А ты мне кто? Отец? Чтобы мораль читать. Кстати, а где он? Ты случайно не в курсе? Что ж он не приехал, не спас свою любимую доченьку? Это уже стало плохой привычкой, не находишь?

Макс подождал несколько секунд, словно пережидая, когда мой запал немного потухнет, и, вертя в пальцах брелок от своего мерса, оперся об стену и ответил:

– Твой отец там, где должен быть. Уверен, если бы он знал, что ты чудишь, приставил бы к тебе няньку. Вот как раз самое время. К одной и второй...

Я сразу поняла, что он имел в виду Дарину. Черт! Ей что пришлось обратиться к Максиму? Конечно, пришлось, и то, что он сейчас стоял передо мной – явное тому подтверждение. Угрызения совести, смешиваясь с возмущением, не давали мне уступить:

– Да что вы хотите от меня? Что? Я не ребенок уже, что хочу – то и делаю. Может хватит корчить из себя заботливых робин гудов?

Было заметно, что Макса этот разговор начал потихоньку раздражать, и он, приближаясь ко мне, вытащил из внутреннего кармана куртки пачку Marlboro и достал оттуда сигарету, тем самым показывая, что пора выходить на улицу:

– Послушай, меня мало заботит, что ты там хочешь. Ты сейчас уезжаешь со мной. Доставлю домой – а дальше пусть твой папа сам с тобой разбирается!

– Папа? Со мной? В перерывах между очередным убийством и минетом секретарши?

Я видела, как на скулах Макса заходили желваки. Он был зол, чертовски зол, я испытывала его терпение и понимала: единственное, что его пока еще сдерживает – это то, что я не чужой ему человек. Да и читать нотации он не привык. Иногда мне даже казалось, что он, когда смотрит мне в глаза, видит намного больше, чем остальные. Это не жалость, не сочувствие, не долбаное сострадание, а понимание. Понимание и молчаливая поддержка.

– Я твоему отцу свечку не держал и очень надеюсь, никогда не придется. Это не мое гребаное дело. А ты, дура молоденькая, могла сейчас нарваться. Ты понимаешь это вообще?

– На что нарваться? На что? Нашел чем напугать... – произнесла эти слова и почувствовала себя так, словно меня облили ледяной водой. Стало вдруг так холодно, грустно, одиноко и что хуже всего – мне было себя жалко. До такой степени, что хотелось просто уткнуться кому-то в плечо и плакать... навзрыд, долго, чтобы вместе с этим соленым ручьем выплеснуть из себя унижающую меня жалость.

Макс заметил и то, как изменился тембр моего голоса, и как я поникла, словно на плечи свалили тяжелую ношу. Всего одной секунды порой бывает достаточно, чтобы почувствовать, как покрывается толстым слоем льда твоя душа. Как тухнет блеск в глазах и гордая осанка сменяется неуверенной сутулостью. Обычно такие секунды называют моментами истины. Макс

отвел взгляд, понимая, что в моих глазах застыли слезы. Подошел ближе и, обняв за плечи, повел меня к выходу:

– Ничего, мелкая, прорвемся. Давай, пообещай мне, что больше ни одного урода на пушечный выстрел к себе не подпустишь. Хотя вряд ли кто-то из них захочет иметь дело с твоим долбанутым дядей, правда?

Я через силу улыбнулась, понимая, что он просто меня заговаривает, не позволяя грустным воспоминаниями захватить все мысли. Мы молча подошли к машине, через стекло я увидела Дарину, которая места себе не находила от волнения. Она, заметив, что мы вышли из гостиницы, быстро открыла дверь и бросилась к нам, сжимая меня в объятиях:

– Каринаааа, я тебя когда-нибудь придушу, клянусь. Ты знаешь, как я испугалась...

Я опустила голову, не смея посмотреть ей в глаза. Знаю, что поступила некрасиво, особенно по отношению к ней – единственной, кто всегда рядом. Но ничего уже не вернешь, оставалось только извиниться.

– Дарина... прости. Знаю, что волновалась, знаю... Но со мной все хорошо, ничего не случилось, видишь – цела и невредима, – развела руки в стороны, словно предлагая себя рассмотреть, чтобы она убедилась в достоверности моих слов.

– Не делай так больше никогда! Никогда, Карина! Дай слово, иначе я не знаю, что со мной будет, – голос дрогнул и мы опять обнялись, радуясь этой встрече, в очередной раз понимая, насколько на самом деле близки.

Услышали, как рядом кто-то кашлянул. Это Макс таким образом переключил на себя наше внимание, было заметно, что вся эта мелодрама ему порядком поднадоела.

– Девочки, обниматься-целоваться будете дома, в теплых кроватках с плюшевыми медведям. Быстро в машину!

Дарина раздраженно зыркнула на него и я уловила в ее взгляде самую настоящую злость. Мне даже показалось, она сжала зубы, настолько сильно напряглись ее скулы.

– У тебя забыли спросить, ага! Где нам обниматься и с какими “медведями”.

– Харэ базарить, малышня. У меня дел непроворот...

Мы с Дариной уселись на заднее сидение, Макс врубил музыку на полную громкость и время от времени поглядывал на нас через зеркало заднего вида. Дисплей его сотового вдруг замигал, оповещая о звонке. Макс убавил звук, чтобы ответить:

– И какую хрень ты мне сообщишь на этот раз?

После того, как выслушал ответ, ударил рукой по рулю и, выжав педаль газа, начал гнать машину еще быстрее.

– Что, бл***, значит, Графа закрыли? Ты вообще соображаешь, что ты говоришь? Когда это произошло? Куда его повезли?

Мы с Дариной переглянулись, и хотя не произнесли ни слова, каждая знала, какие мысли вертятся сейчас в голове друг и друга. Повисла напряженная пауза, мы сидели, боясь пошевелиться, пока Макс то орал на кого-то на том конце провода, то внимательно выслушивал детали. Странно, но внутри что-то шевельнулось. Подумала об Андрее – и к сердцу словно прикоснулись ледяным перышком. Прислушалась еще раз – нет, это не привычная ненависть, а что-то, чего я пока не могла понять. Мотнула головой, попытавшись разогнать непривычные ощущения и в очередной раз подумала, что другая жизнь ему и не светит. Макс закончил разговор и, повернув голову к нам, сказал:

– Ну что, девочки, можете вздохнуть спокойно. Похоже, трепка от Воронова на сегодня отменяется...

Глава 6. Макс

Притихли. Еще бы, новость по радио слышали обе. Масштабы вряд ли понимают, да и я не психую. Пока не узнаю, что там происходит и какого черта его загребли прямо в аэропорту, какая сука слила, а потом полетят головы. Сделка серьезная была – Граф отзвонился, что все выгорело, но с небольшими проблемами. Анзур, сука продажная, чуть все не испортил, но брат разрулил. Мы оба понимали, что для нас важны эта сделка и этот канал сбыта. Новый старт и новые возможности, но мы оба знали, что здесь все зыбко и шатко. Придется искать другие концы, когда все утихнет. Нам стало тесно в старых масштабах деятельности. Хотелось новых горизонтов, власти, а власть нужно было отдира́ть зубами у тех, кто считал, что уверенно сидит жирным задом на троне. Не эту власть на уровне уличной шпаны, крышующей киоски. Даже не ту, где мелкие предприниматели от звука твоего имени обливались потом и протирали лысины салфетками, раздумывая, как нам угодить. Нет! Этого уже мало! Мы хотели подмять этот мир под себя и всех тех, кто его катит сейчас. Мы с Андреем задумали катить его сами и катить туда, куда хочется нам, а для этого нужно пробивать новые пути и иногда расшибать лбы.

Прищурившись смотрел на дорогу, зажав зубами сигарету и прикидывая, что за дрянь сейчас происходит за стенами следственного изолятора и как связаться с Графом побыстрее. Отец уже наверняка знает. Сейчас отвезу этих малолеток домой, сам наведаюсь к брату, может прикормить кого потребуется, и пробью нам встречу без свидетелей. Вытащить его раньше семидесяти двух часов вряд ли выйдет, но, если поднапрячься... Главное – знать, кого и за какие веревочки подергать, а уж каким методом, я придумаю.

Вдавил педаль газа, а взгляд невольно падает на ноги Дарины. На колени, затянутые в черный капрон, понимаю, что это не случайность, мать вашу. Потому что мне нравятся её ноги. Я оценил еще в клубе, когда увидел впервые после трехлетней разлуки.

Со спины не сразу понял, что это она. Не такой запомнил в последнюю нашу встречу. В голове сохранился стойкий образ юного тела, спутанных волос и ямочки на щеке. Девочка, о которой изначально запрещал себе думать как о сексуальном объекте. Лысый вышибала пальцем показывает, а я ищу малолетку в драных джинсах и никак не могу понять, что девушка в черном блестящем коротком платье, сидящая боком за барной стойкой и на которой взгляд остановился и так несколько раз подряд со стойким желанием прищелкнуть языком – это та самая пигалица, которая скакала по моим диванам в одной рубашке и пела дурным голосом. Та самая, которая по ночам спала под кроватью и просила посидеть с ней до утра. Узнал, когда волосы за ухо поправила и голову на бок склонила.

Как когда-то, когда не знала, что я наблюдаю за тем, как ест на кухне или читает книгу, подогнув под себя ноги. Я только сейчас вдруг осознал, как часто это делал. Вот так просто смотрел на нее и запоминал все жесты, мимику, голос и запах. Я вдруг отчетливо понял, что тосковал по ней. Я соскучился. Впервые по ком-то за всю свою жизнь. Такое тянущее чувство в груди появилось. Незнакомое.

Осмотрел с ног до головы и почувствовал, как внутри, вскипела волна ярости – приперлась в клуб в таком виде одна. Задницей вертеть и кобелей зазывать. Дура малолетняя, мозги напрочь отсутствуют. Здесь в туалете зажмут, оттрахают, и хрен докажешь, что что-то было. Менты все прикормленные и наркота в пакетах под столами шныряет, как разменная валюта. У самого в кармане пакетик кокса лежал. Угощение хозяина заведения, который лично встретил возле клуба, после того как пару звонков сделал. Жирный низенький педик с кричащим именем Ипполит вытащил свою задницу из ВИП-зоны, чтобы повилать передо мной хвостом, опасаясь за свой гадюшник, который я мог прикрыть по щелчку пальцев. Сунул мне дурь, а я вначале хотел из него душу вытрясти, а потом подумал – хер с ним. Может, пригодится еще.

Кокс в карман сунул и забыл о нем. Надо сбросить перед походом в СИЗО. Не хватало, чтоб у меня наркоту нашли.

Не сразу к ней подошел. Какое-то время наблюдал, сканируя, что происходит вокруг и с кем пришла. Одна ли, как сказала по телефону, или все же девочки были тут с кем-то. Нет, одни, хотя, я видел, как отираются рядом с ней всякие обкуренные уроды, один на ее длинные ноги пялится остекленевшим взглядом, разве что слюна изо рта не капает. Я его за затылок схватил, сжимая пальцами с такой силой, что тот присел, а потом очень внятно прорычал ему на ухо:

– Зовут как?

Он дернулся, и я стиснул сильнее.

– Не слышу!

– Игорь...

– Так вот, Игорь, исчезни, если не хочешь, чтоб яйца оторвал и в твой бокал с водярой кинул.

Разжал пальцы, не оборачиваясь на урода, подошел к ней. Склонился к уху, и в нос ударил тот самый запах, который из моей квартиры, после того как она съехала, еще месяц не исчезал. Думал, за три года вся та ерунда непонятная из меня выветрилась, но, оказывается, она въелась намертво, как тяга к наркоте. Мозги помнят приход. Только сейчас всплеск внутривенно оказался ярче прошлого раза, доза более концентрированная, выдержанная. Доза персональной эйфории. Потому что с Дариной я тогда улыбался чаще, чем за всю свою долбаную жизнь. Когда счастья так мало, что эти дни можно заносить в календарь знаменательных событий, каждый такой из памяти не стирается никогда. Говорят, люди долго помнят боль. Ложь. Люди не любят вспоминать боль. Они ее стирают из памяти всеми способами, но они помнят тех, кто ее причинил. Я же помнил те редкие минуты, когда мог позволить себе смеяться, и эти минуты были у меня только с ней. Еще раз вдохнул аромат волос, и под кожей электрические разряды защелкали – мне не понравилось. Не видит меня, смотрит на зеркальную стойку бара и пальчиками ритм отбивает, единственное, что осталось от неё прежней – короткие ногти. Интересно, она их грызет как раньше, когда нервничает?

Достала сигарету, поднесла к губам, и мне стало необходимо ее смять, раздавить. Что я и сделал, смакуя удивленный взгляд и вспыхнувшую в нем радость. Не долгую, но все же она там была.

Отобрал и бокал с мартини. Как же мне ужасно хотелось стереть этот взрослый образ и вернуть ту малолетку, с которой, мать ее, нельзя! Потому что сейчас все мое мужское Я орало мне, что можно, бл**ь. Потому что ноги длинные и стройные, потому что грудь упругая в вырезе платья видна, матовая кожа, ключицы и даже кусочек кружева от лифчика. Черное кружево контрастом на светлой коже и ляпка впивается в неё, вызывая желание сдернуть вниз и провести кончиками пальцев по оставшемуся следу. Пахнет уже не ребенком, и если тогда все внутри взрывалась протестом, то сейчас я понимал, что теперь это действительно стало опасно. Для нее, разумеется. Зверь внутри отозвался мгновенно на новую добычу, как, впрочем, и всегда. Я давно его не кормил, и я уже не думал, что он во мне живет. Только приманка вряд ли понимала, кого дразнит. Ресницы длинные, яркий макияж и губы блестят красной помадой. Захотелось большим пальцем вытереть, размазать по подбородку, и внутри прострелило возбуждением. Бляяя***ь! Не те мысли! Не те, Зверь! Это птичка, и пусть летает, не ломай крылья. Даже не думай об этом ни на секунду.

Снова посмотрел на её колени, и на секунду представил, как скольжу по ним ладонью, приподнимая чуть выше подол. Я был уверен, что на ней колготки, а не чулки. Охренеть! Я реально об этом думаю? Сейчас? О том, что на ней надето, чулки или колготки? Тихо выругался матом.

Зазвонил чей-то сотовый, и я обернулся на Карину:

– Твой ожил?

Но сотовый достала Дарина, бросила взгляд на дисплей, а потом ответила, прикрываясь ладонью и отворачиваясь к окну, а я понял, что невольно прислушиваюсь. Ничто так не возбуждает любопытство, как чье-то резкое желание что-то скрыть. Тут же возникает маниакально-навязчивая идея узнать все и немедленно, чертовски ненавижу что-то не знать. А мне казалось, я о ней знаю все. Я ошибался.

– Да. Все хорошо, Ромео, домой едем. Макс помог. Нет, не надо. Завтра поговорим. О нет, я не люблю долги. Возвращать потом надо. Что я люблю? Я люблю, когда должны мне, – усмехнулась, как-то совсем по-взрослому, и я сильнее сжал руль – неужели мелкая флиртует? Да! Еще как, бл*ть, флиртует. Умело. Все же три года – это совсем не мало. Особенно в этом возрасте.

Посмотрела на меня вдруг и снова отвернулась к окну, отодвигаясь подальше и прижимаясь к стеклу, платье чуть приподнялось, и я понял, что уже несколько секунд пялюсь на ее ногу – нет, не колготки, а чулки. Снова на дорогу, отвлекаясь мыслями о брате и о том, как потом быстрее добраться до СИЗО и кто в такую рань может поспособствовать встрече.

Резинка на чулках такая же кружевная, и над ней кусочек кожи. Твою ж мать!

– Ну я же на машине, я и сама могу. Хорошо. Заезжай. Черт с тобой. Ром, четыре утра, ты гонишь? Спи давай. К восьми. Да, точно все в порядке, спасибо, что предложил помощь. Проснусь... не надо звонить. Я, бывает, сутками не сплю.

Не спит. Это я точно знал. По двадцать четыре часа может не спать, а потом впадает в спячку, если я дома. Как сейчас – не знаю. Увидел, как она прикрыла глаза и усмехнулся – значит, бойфренд у нас есть. Возможно, она с ним трахается. Не возможно, а скорее всего. Сколько ей уже? Девятнадцать? Ну да, из детского возраста вышла. Внутри опять появлялась какая-то злость, и я не мог понять, что это. Когда Дарина отключилась, не удержался, спросил:

– Это кто у тебя такой заботливый в четыре часа ночи?

– Тебе какая разница? Хочешь, чтоб я исповедалась? – волосы опять поправила и сотовый в сумку сунула, а я сильнее руль сжал, от дикого желания выхватить у нее аппарат и посмотреть, кто ей, звонил светло скулы. Я что, ревную? Три года не видел, а сейчас вдруг ревность? Бреееед. Я просто устал, и их выходка меня доконала. Поэтому злой, как черт.

– Исповедаться? – я вздернул бровь, врубая музыку погромче, – Ну давай – мы слушаем. Начинай.

– У Дашки поклонник настойчивый, по нему весь универ сохнет, а она им вертит, как хочет, – Карина усмехнулась, а Дашка продолжала в окно смотреть. – Это ж Дашка, ей вкусно им голову морочить и доводить до белого каления. Ментааал, да, Даш?

– Даже так? – я поджал губы деланно-восхищенно кивая головой. – И что за поклонник? А, мелкая? С кем и во что играемся?

– Да так, один. Сын прокурора, то цветы ей шлет, то на тачках разных за ней приезжает.

– Карина, это никому не интересно. Сменим тему. Он устал с дороги, спать, наверное, хочет, а ты ему о моих поклонниках рассказываешь. У взрослого дяди Максима есть более важные заботы.

– Ну почему? Мне очень интересно. Только я думал исповедоваться будешь ты, – я не заметил, как прибавил скорости и челюсти сжал сильнее.

– Не буду. Умирай от любопытства, – сказала Дарина. – А можешь еще раз так? – спросила неожиданно.

– Как так? – я не понял.

– Вот как ты по рулю пальцами. У тебя руки красивые, и жест получился такоооой, – она глаза закатила, а у меня встал. Вот так просто. Унесло мгновенно. Тройная ярость на себя, на реакцию и на то, что понимаю, что сучка малолетняя провоцирует, и у нее, черт бы ее подрал,

получилось. А может, она и не хотела... Хотя, черта с два. Хотела. Вижу по покрасневшим щекам. Нервно сглотнула от понимания, что получилось.

– Какой? – я посмотрел ей в глаза.

– Ты сам знаешь, – улыбка пропала, и ее зрачки чуть расширились, а я понял, что тоже нервничаю. Охренеть! Снова смотрю на дорогу, думая о том, что после следственного позвоню кому-то из своих многочисленных знакомых и оттрахаю. Или шлюху сниму, и тогда по полной, как я люблю. С криками, синяками и болью. Мне это надо. Напряжение в последнее время шкалит слишком.

– Так ты ради тачек всяких и цветов, или великая и светлая первая любовь? – я зарулил с центральной улицы в переулок.

– Великая и светлая, – отрезала она и что-то в сотовом написала. Переписываются. Не хочет при нас разговаривать.

– Замуж не зовет? – съязвил я все еще испытывая желание отобрать у нее сотовый.

– Ты старомодный, Макс. Возраст, видать. Замуж зовут только идиоты или те, кто развлекаться не умеет. – Когда она успела такой наглой стать?

– Возраст? – засмеялся, – Замуж зовут по другим причинам, мелкая, просто именно в твоём возрасте «дурнадцать» этого не понимают. Ценности другие. Ну и, значит, не великая и не светлая.

– А ты в этом много понимаешь?

– Читал где-то, – обжег губы фильтром и вышвырнул в окно окурков.

Дарина наконец-то посмотрела на меня, и я на секунду потерялся. Доли мгновений полной протрации. Слишком глубоко в ее глазах, и я не понимал, что в них. Раньше читал её взгляд, а сейчас – черта с два. На меня так не смотрели. Никто и никогда. Она была для меня слишком нечитабельной, эта малолетка со взрослым взглядом. То, что я там видел, не могло быть правдой. Я в такую херню не верю.

– Когда позовет, я обязательно тебе расскажу, если все еще будет интересно, Макс, – дерзит, а в зрачках мое отражение подрагивает. Улыбнулась, а у меня появилось стойкое желание свернуть ей шею. Слишком навязчивое. Маленькая сучка, а ведь чувствует, что на эмоции вывела. Я и сам почувствовал, как кровь носится по венам и внутри это паршивое ощущение, и пока не понимаю, что мне это не нравится. Настолько не нравится, что хочется высадить ее из машины, а она на сиденье откинулась, и платье слегка с плеча сползло, смотрю и понимаю, как от желания еще раз почувствовать, как пахнет ее кожа и волосы, скулы свело. Мне ее дико не хватало первые пару месяцев. Сам себе в этом не признавался, а бывало, в той комнате часами у двери стоял и на постель смотрел по ночам. Привык возвращаться и сразу к ней – проверить, спит ли в кровати.

К дому приехали, и я напомнил Карине, что задницу надеру если хоть еще одна подобная выходка будет, а она спросила, надолго ли я к ним.

– Надолго. Так что терпеть придется. Сейчас поеду с отцом твоим разруливать, а потом домой. Спааать. Я из-за вас сутки не спал.

Повернулся к Дарине:

– Поклоннику привет передай и скажи, обидит – кастрирую нахрен. Поняла?

Она кивнула, а когда из машины выходила вдруг за руку схватила.

– Спасибо.

Я взгляд на ее пальцы перевел, а потом снова в глаза посмотрел. Они и раньше были такими влажными и огромными или это меня сейчас куда-то уносит?

– За кастрацию? – криво усмехнулся, а она не улыбалась.

– Нет, за Карину, – а потом вдруг подошла вплотную и тихо прибавила, – а в мою личную жизнь не лезь. Ты для меня никто.

– Да я и не стремлюсь стать кем-то, – пожал плечами, а внутри где-то опять возникло желание сжать её шею пальцами и сильно сдавить.

– А ты и не умеешь кем-то быть. Зачем тебе кто-то, кроме самого себя-любимого?

Мы замолчали, она в глаза смотрит. Нагло. Не отводит взгляд. И я все же не выдержал – помаду пальцами размазал по ее губам, вытирая, а она и слова не сказала. Разозлился. Вытер уже ладонью.

– Не идет тебе, – прорычал, не отрывая взгляда от ее глаз. – Не играй со змеей в «кто кого пересмотрит», девочка. Ты меня совсем не знаешь.

– Ты не дал себя узнать, – она разжала пальцы, и теперь уже я перехватил ее запястье.

– Меньше знаешь – дольше радуешься жизни, мелкая. Много знать опасно для здоровья, – зажал пальцем пульс, чувствуя, как он участился, – психического здоровья маленьких наивных девочек.

– Ты меня недооцениваешь или льстишь себе, – выдернула руку.

– Дашка! Ну что вы там застряли?

Нет, девочка. Я оценил. А для тебя было бы лучше, чтоб я вообще тебя никак не оценивал. Она пошла к дому, а я проследил взглядом за плавной походкой, покачивающимися бедрами и темными волосами, опускающимися ниже поясницы. Девочка выросла, и девочка меня нервировала. Я больше не могу думать о ней, как о ребенке. Она далеко не ребенок и демонстративно вызываяще дала мне это сегодня понять. Только если я позволю себе начать этот раунд – она не выиграет, а мне эта победа удовольствия не принесет. Зверь, который живет внутри меня и привык к особым развлечениям с добычей, не пощадит ни ее, ни меня. А мне не хотелось ломать и заводить за ту черту, где я сам переставал чувствовать себя человеком. Где я себя боялся.

Глава 7. Андрей

Когда дверь кабинета для допросов отворилась и через порог переступил Макс, я не знаю, какая часть моего лица отреагировала первой – взметнувшаяся вверх бровь или губы, изогнувшиеся в ухмылке. Я догадался, кому обязан такому повороту событий, в который раз убеждаясь, насколько важной является “правильная” сеть контактов. Макс медленно осмотрел Настю с головы до ног и, наткнувшись на ее твердый прямой взгляд, прервал свой визуальный осмотр, переключаясь на меня:

– Братец, это что за незапланированный отпуск? От дел косим, да?

– А как же... Никакой мобильной связи, интернета – только тишина, покой и запах Родины...

Настя, понимая, что нам нужно время для разговора, вышла из помещения, и, пообещав вскоре вернуться, прикрыла за собой дверь.

– Вижу я, как ты отечеству служишь, – кивнул в сторону закрывающейся двери и подмигнул.

– Да я вообще патриот, Макс. Удивлен?

Он приблизился вплотную и мы крепко обнялись – так уж повелось, что встречались мы, в основном, во время очередной дряни, через которую нас настойчиво протаскивала жизнь, стремясь уткнуть носом в грязь и поставить на колени. Слишком уж не нравился ей наш тандем, – а может, наоборот, пробуждал нездоровый азарт – сломать, уничтожить, разрушить. Ведь сильный противник всегда интереснее...

Макс осмотрел меня, изображая из себя заботливую мамочку, повертел лицо в одну сторону, в другую, и убедившись, что на мне нет синяков и ссадин, довольно хмыкнул:

– О-о-о, наша милиция нас бережет... Это за особые заслуги, я так понимаю.

Я прищурил глаза и слегка улынувшись,

– Тебе еще, может, коленки показать? Зеленку прихватил?

– Моя любящая братская душа к такому пока не готова.

– К моим спущенным брюкам?

– Граф, бл****, да ты тот еще извращенец.

– Братьев не выбирают, так что придется терпеть. Смирись. А вообще пора думать, как отсюда выбираться.

– Выберемся.. не впервой же.

– Макс, ты домой звонил? Как там Карина с Дариной?

– Не волнуйся, в порядке они... Скоро сам лично проверишь, – мне показалось, что он немного помедлил с ответом, но сразу же перевел разговор на другую тему. Рассказал о сделке со Львом, все расклады по продаже алкоголя и что как раз подходящий момент начать Ахмеду кислород перекрывать.

Через несколько минут дверь отворилась и в кабинет вошла Настя. Она скрестила руки на груди, сжимая в них бордовую папку и уверенным шагом приближаясь к столу.

– Ну что же.. у меня для вас несколько новостей. С какой начать?

Макс проследил за ней взглядом, а потом, посмотрев на меня и кивая в сторону Насти, выдал:

– Андрей, я так понимаю, на тебе теперь должок?

– Ты же знаешь, что должниками я обычно себя окружаю.

– О, узнаю своего брата. Ни одного прямого ответа. Дипломат чертов, – Макс театрально закатил глаза, – я лучше у девушки спрошу. Анастасия, этот мужчина Вам точно ничего не должен? А то с этими Вороновыми только свяжись...

Настя улыбнулась, наблюдая за нашим диалогом, и, придав своему лицу максимальной серьезности, ответила:

– Ну что вы, Максим Савельевич... О связи с Вороновым мне жалеть не приходилось, скорее наоборот... – она задержала на мне свой взгляд, смотрела, не моргая, словно искала в моих глазах ответ, не зная, захочет ли его услышать. Я взял в руки стул и, поставив его рядом с Настей, жестом пригласил ее присесть. Потом наклонился и ответил:

– Жалеют в основном о несбывшихся надеждах, а их дарят только обманщики. Но это ведь не о нас, Анастасия Сергеевна...

– Конечно, Андрей. И в этом мы с тобой похожи...

Макс откашлялся, понимая, что разговор завернул немного не туда.

– Теперь понятен секрет вашего идеального сотрудничества... Но я бы лично отметил это чудное дело в хорошем ресторане... Тесновато у вас тут...

– Поддерживаю... Уверен, мы отлично посидим... Выбор места предоставим даме...

– Андрей, я своим вкусам не изменяю, так что мой выбор ты знаешь... А сейчас, давайте и правда к делу!

Я зашагал по комнате, разминая шею – за последние двое суток тело словно затекло, привычное к постоянному движению, сейчас оно протестовало против этой вынужденной остановки. Я повернулся к Максиму, чувствуя, что шутки шутками, но пока что мы сидим тут, в этой комнате, связанные по рукам и ногам.

– Ты с адвокатами созвонился? Где эти акулы юриспруденции, мать их так? За те деньги, что они получают, искать “где глубже” бесполезно.

– Да им еще до меня позвонили, только к тебе хрен доберешься. Даже Пантелеев не смог пробить эту гребаную стену.

Я присвистнул в ответ. Если даже этот сукин сын, которого знали все менты и прокуроры города, как самого клыкастого и беспринципного адвоката, не смог сюда прорваться, то дела намного хуже, чем я думал. Мы с Настей переглянулись, понимая друг друга без слов. Ее предположения об инструкциях сверху сейчас полностью оправдались. Меня закрыли здесь, игнорируя законность процедуры, наплевав на нарушения, чтобы дать понять, что это не шутки. Все очень серьезно, и, судя по всему, это только начало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.